

ЦЕРКОВНОЕ ПѢНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

по нотно-линейнымъ ирмологамъ XVII и XVIII вѣковъ.

Прот. І. Вознесенскаго.

Второе изданіе.

Составъ, свойства и достоинство напѣвовъ помѣщенныхъ
въ Юго-западныхъ ирмологахъ.

Собственность издателя.

МОСКВА у П. ЮРГЕНСОНА,

Коммисіонера Придворной Пѣвческой Капеллы, Императорскаго Русск. Музыкальнаго
Общества и Консерватори въ Москвѣ.

Главные склады:

С.-Петербургъ у І. Юргенсона. | Варшава у Г. Сенневальда.

1898.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, Февраля 23 дня 1897 года.

Цензоръ Священникъ Григорій Дьяченко.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. Свойства болѣе или менѣе общія всѣмъ нотнo-линейнымъ юго-западнымъ ирмологамъ	5—42
2. Достоинство юго-западныхъ напѣвовъ Православной Русской Церкви, какъ пѣнія богослужебнаго. . .	42—70

Церковное пѣніе Православной Юго-Западной Руси по нотнымъ ирмологамъ XVII и XVIII вѣковъ.

I. Свойства болѣе или менѣе общія всѣмъ нотно-линейнымъ юго-западнымъ ирмологамъ.

Для установленія наиболѣе правильныхъ сужденій о церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви надежнѣе всего обратиться не къ переводамъ, переложеніямъ и сокращеніямъ церковныхъ напѣвовъ, существующимъ въ наше время въ клиросной практикѣ, хотя и они имѣютъ свои достоинства, но къ его первоисточникамъ, заключающимся въ пѣвческихъ памятникахъ русской древности.

Къ такимъ памятникамъ между прочимъ относятся нотно-линейные ирмологи Юго-Западной Руси XVII и начала XVIII вѣка. Изъ нихъ только, а не изъ позднѣйшаго преданія, мы можемъ получить наиболѣе полное и вѣрное понятіе о распѣвахъ такъ называемыхъ *киевскомъ* и *болгарскомъ*, заимствованныхъ съ половины XVII вѣка Великою Россіею изъ пѣвческой практики Юго-Западной Руси, точно такъ же, какъ понятіе о *столповомъ* пѣніи—главнымъ образомъ изъ безлинейныхъ рукописей, писанныхъ до патріарха Никона, а понятіе о *греческомъ* распѣвѣ—изъ пѣвческихъ книгъ діакона Мелетія и нотныхъ записей его современниковъ.

Въ основаніе настоящаго обзора церковнаго пѣнія Юго-Западной Руси полагаются слѣдующіе шесть нотно-линейныхъ ирмологовъ юго-западнаго происхожденія:

1) Рукописный Ирмологій 1652 г., принадлежащій Кіевскому Церковно-Археологическому Музею, безъ миньютюръ, съ немногими рисованными заставками и заглавными буквами, писанный весьма четко киноварью и чернилами, безъ начала до 6-й пѣсни ирмосовъ I гласа, а равно безъ предисловія и послѣсловія.

2) Западно-русскій лицевой Ирмологій XVII вѣка, поступившій въ тотъ же Музей изъ Владиміра Волынскаго, безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ, съ многочисленными миньютюрами, частію уже вырѣзанными изъ рукописи. Ирмологъ этотъ, судя по правописанію, устарѣлымъ словамъ и ошибкамъ въ текстѣ, древнѣе Ирмолога 1652 г., но въ поемыхъ статьяхъ съ нимъ одинаковъ¹⁾).

3) Рукописный «Ирмологъ, съ котораго», какъ гласить подпись, сдѣланная на немъ позднѣйшею рукою, «во Львовѣ 1700 года напечатано», безъ миньютюръ. Ирмологъ этотъ естественно тождественъ съ Ирмологомъ, съ него напечатаннымъ²⁾).

4) Львовскій печатный Ирмологъ 1700 г., съ 15-ю гравированными миньютюрами³⁾).

1) См. о немъ рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества 13 февраля 1884 г. См. журналъ „Труды Кіев. Дух. Акад.“, за апрѣль 1884 г. и въ отдѣльной брошюрѣ.

2) См. „Описаніе рукописей Церковно-Археологическаго Музея въ Кіевѣ“, вып. II, 1877 г. № 350, стр. 360. — Ирмологи лицевой XVII в. и рукописный, „съ котораго напечатано во Львовѣ 1700 г.“, какъ сходные съ другими, перечисленными здѣсь ирмологами, не подлежали нашему подробному разсмотрѣнію.

3) Экземпляръ этого Ирмолога, принадлежащій Церковно-Археологическому Музею въ Кіевѣ, безъ начальныхъ 6-ти страницъ. Полное заглавіе этого перваго печатнаго Ирмолога въ Россіи, по свидѣтельству о. прот. Д. В. Разумовскаго есть слѣдующее: „Ирмолой, си есть осмогласникъ *отъ старыхъ рукописныхъ экземплярей исправленный*, благочиннаго же ради пѣнія церковнаго трудолюбіемъ иноковъ общежительныя обители св. великомученика Христова Георгія, въ катедрѣ епископской Львовской, новотупомъ изданный року Божія 1700, мѣсяца октоврія въ 9-й день“. Въ *пролегоменотъ* къ Ирмологу, напечатанномъ Іосифомъ Скольскимъ, іеромонахомъ Георгіевскаго монастыря, причина изданія объясняется такъ: „Православно-Каѳолическая Церковь. . *досель не имѣла печатныхъ нотныхъ книгъ*, писци же писали нотныя книги мало, не скоро, не вѣрно, отъ чего непотребная въ достоудожномъ согласіи божественномъ творяхуся *различная пѣнія*. Сего ради мы, продолжаетъ составитель пролегоменона, Божіею и благочинія церковнаго ревностію подвигаемы, потшакомся со многими иждивеніемъ сію книгу Ирмолой, поелику мощно *исправивши*, на свѣтъ изда и“! См. „Церковное пѣніе въ Россіи“. Москва. 1863 г. стр. 192. Въ послѣсловіи, обращенномъ „къ богомудрому рачителю книги сей“ изложена краткая автобіографія типографа (гисера), напечатавшаго Ирмологъ. Типографъ—издатель книги іеромонахъ Іосифъ Городецкій, 15-ти лѣтъ отъ рожденія поступивши въ монастырь и постриженный въ монашество Львовскимъ епископомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, занялся типографскимъ дѣломъ. Затѣмъ по обѣту ходилъ пилигримомъ въ Іерусалимъ „и тамо гробу Господню поклонися и въ водахъ Іорданскихъ умыти сподобися“. Обшедъ во время этого путешествія, продолжаетъ автобіографъ „пути великаго моря Египеть, Александрію и прочая пресловутыя грады палестинскія южныя, также и заходныя, Гишпанею, Италію, Крымъ, Венецію и прочая“... и здраво возвратившись во свое отечество, „умоленъ быхъ отъ начальствующихъ инокъ, въ катедрѣ (епархіи) Львовской, св. великомученика

5) Рукописный Ирмологъ, писанный весьма четко кинноварью и чернилами Стефаномъ Добрусійскимъ въ Соколовцѣ року Божьяго 1674—5, принадлежавшій въ 1854 г., какъ гласить поздняя на немъ надпись, Почаевской лаврской библиотекѣ,—съ прекрасными миньютюрами и рисованными заглавными буквами въ началѣ отдѣловъ, нѣсколько не законченный письмомъ, безъ предисловія и послѣсловія. Этотъ Ирмологій, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ, буквально сходенъ и въ количествѣ распѣтыхъ въ немъ пѣснопѣній, и въ расположеніи частей, и въ мелодіяхъ, и въ тональностяхъ, съ печатнымъ Львовскимъ Ирмологомъ 1709 г.

6) Ирмологій, напечатанный «тщаніемъ братства Ставропѣгіонъ Львовскаго храма Успенія Пресвятыя Богоматере року 1709», съ гравированными миньютюрами¹⁾.

Во всѣхъ означенныхъ изданіяхъ и рукописяхъ, не смотря на нѣкоторыя ошибки въ текстѣ, достойны замѣчанія полное вниманіе, глубокое уваженіе и любовь издателей и переписчиковъ къ излагаемому ими предмету. Особенно въ

Христова Георгія, да отъ рукодѣлія моего гисерскаго сотворю типографію въ напечатаніи Ирмолая. Азъ же не щадя себѣ по толикихъ путнихъ трудехъ, яхся дѣла, и поспѣшество дарованія Божія произведъ въ совершеніе; *роду Россійскому удивительное Ирмолая напечатаніе*“. Послѣсловіе заключается молитвою благодаренія къ Богу и подписью типографа іеронаха Іосифа.—Львовскій Ирмологъ неоднократно издавался потомъ въ Почаевской Лаврѣ безъ всякаго измѣненія, хотя въ почаевскихъ изданіяхъ и говорилось, что онъ „опасно исправленъ по экземплярамъ *греческимъ*“, что конечно относится къ тексту, а не къ мелодіямъ. Ирмологъ Львовскій, вскорѣ послѣ его выхода въ свѣтъ, сталъ извѣстенъ и Россіи, напр., Харьковскому Куряжскому монастырю. Въ половинѣ XVIII вѣка по этому же Ирмологу совершалось богослуженіе въ Киево-Братскомъ монастырѣ. См. „Церковное пѣніе въ Россіи“, прот. Д. В. Разумовскаго. Москва. 1863 г. стр. 192.

1) Полное заглавіе печатнаго Львовскаго Ирмолога 1709 г. есть слѣдующее: „Ирмологіонъ сирѣчь пѣснословъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина и прочихъ богодухновенныхъ Отецъ. Изданъ: Тщаніемъ же братства Ставропѣгіонъ Львовскаго храма Успенія Пресвятыя Богоматере. Року 1709. Маія 15-го“. Миньютюры этого Ирмолога заимствованы изъ Львовскаго же Ирмолога 1700 г., но размѣщены въ иномъ порядкѣ. На первыхъ двухъ листахъ подъ гравюрами имѣются силлабическіе стихи, напр.

„На Емперейскихъ небесахъ заволаю,
Кы аллилуія съ гласно спѣвано“, и пр.

Въ предисловіи Ирмолога „ко всякому благочестивому любящему пѣнію церковнаму“, по приведеніи словъ Свящ. Писанія, приглашающихъ къ пѣнію *согласному и благоговѣйному*, кратко объясняется общія цѣль изданія: „дабы по сему поюзіи всегда *согласались*“. Въ концѣ предисловія присоединена обычная прежде просьба къ искуснѣйшимъ въ семъ дѣлѣ о прощеніи и исправленіи погрѣшностей, могущихъ быть въ книгѣ, „ради временнаго

этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе рукописные ирмологи съ миньютюрами.

Перечисленные здѣсь ирмологи, по своему содержанію, распредѣленію статей, напѣвамъ, нотному изложенію, мелодической и текстовой редакціямъ, составляютъ собою три группы юго-западныхъ ирмологовъ: 1) группу древнѣйшихъ нотно-линейныхъ ирмологовъ, писанныхъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи (1654 г.), а слѣдовательно представляютъ собою типы ирмологовъ первой половины XVII вѣка; 2) группу ирмологовъ первой четверти второй половины XVII вѣка (напр. Ирмологъ 1674—5 г.), сходныхъ съ печатнымъ Львовскимъ Ирмологомъ 1709 г., и 3) Группу сокращенныхъ ирмологовъ второй же половины XVII вѣка, сходныхъ съ печатнымъ Львовскимъ Ирмологомъ 1700 г.

Содержаніе юго-западныхъ нотныхъ ирмологовъ опредѣляется потребностями клироснаго церковнаго пѣнія. Каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ, въ одной книгѣ, полный годичный кругъ церковнаго пѣнія и такимъ образомъ по своему содержанію соотвѣтствуетъ всѣмъ четыремъ нотнымъ книгамъ, издаваемымъ по благословенію Св. Синода съ 1772 г., т. е. *Обиходу, Октоиху, Ирмологу и Праздникамъ*. Однако южно-русскіе ирмологи въ своемъ содержаніи какъ съ синодальными изданіями, такъ и между собою, имѣютъ нѣкоторыя разности. И прежде всего они *вообще содержатъ въ себѣ меньше распѣтыхъ пѣснопѣній*, чѣмъ синодальныя изданія. Послѣднія сравнительно съ первыми въ своей совокупности представляютъ собою значительно полнѣйшій сборникъ церковныхъ пѣснопѣній, хотя нѣкоторыя изъ этихъ пѣснопѣній, по своему содержанію и протяженности напѣвовъ, не могли составлять общаго пѣвческаго обычая въ русской Церкви и быть обязательными для всѣхъ клировъ. Таковы особенно: дневные ирмосы и нѣкоторыя воскресныя и праздничныя стихиры.

Въ разсматриваемыхъ нами южно-русскихъ ирмолагахъ вовсе не распѣты, напр., слѣдующія пѣснопѣнія, имѣющіяся въ Синодальномъ Обиходѣ: *изъ службъ праздничныхъ*: тропари и кондаки на часахъ въ навечеріи Рожде-

вынѣшняго препятія“ (Ирмологъ, печатанъ въ годъ Полтавской битвы Петра I съ Карломъ XII. Около этого же времени Польская Украина, а съ нею и львовская епархія, приняла унію).

ства Христова и Богоявленія, тропарь и кондакъ Рождеству Христову, распѣтыя въ Обиходѣ греческимъ распѣвомъ; *изъ всенощнаго бдѣнія*: «Свѣте тихій», всѣ-прокимны, кромѣ воскресныхъ утреннихъ, «Нынѣ отпускаеши», «Богородице Дѣво, радуйся», величанія, кромѣ весьма не многихъ, тропари воскресны по непорочныхъ, «Всякое дыханіе», «Величить душа моя Господа», «Святъ Господь», «Преблагословенна еси, Богородице», славословіе великое, тропари воскресны по славословію. *Изъ литургіи св. Іоанна Златоустаго и Василя Великаго* псаломъ: «Благослови душе моя Господа», «Единородный Сыне», «Придите поклонимся», «трисвятное», «Достойно» на литургіи Василя Великаго, за-достоиники, пѣніе по освященіи св. Даровъ и другія пѣсно-пѣнія до конца литургіи. *Изъ великопостныхъ службъ*: «Господи силь», блаженны по 9-мъ часѣ, непорочны въ Великую субботу (кромѣ величаній), «Днесь адъ стена вопіеть», «Славно бо прославися». Не положены на ноты также молебныя и заупокойныя службы.—*Ирмологъ* сѣнодальнаго изданія также значительно полнѣе количествомъ ирмосовъ, чѣмъ южно-русскіе ирмологи; *Октоихъ* и *Праздники*—тоже.

Изъ недостаточной полноты юго-западныхъ ирмологовъ ясно, что не положенныя въ нихъ на ноты пѣснопѣнія пѣлись (кромѣ развѣ сѣмвола вѣры) краткими напѣвами, сохранявшимися въ устномъ пѣвческомъ преданіи. Ибо мы не можемъ себѣ представить, чтобы только читались, или же вовсе пропускались необходимыя при богослуженіи пѣснопѣнія. А отсюда должно заключить, что юго-западные ирмологи составлены главнымъ образомъ въ примѣненіи къ *праздничному* богослуженію и къ наиболѣе торжественнымъ при богослуженіи пѣснопѣніямъ.

Съ другой стороны южно-русскіе ирмологи нерѣдко короче сѣнодальныхъ изданій и въ поемомъ текстѣ пѣснопѣній, особенно же заимствованномъ изъ псалмовъ. Такъ по изложенію ихъ въ предначинательномъ псалмѣ на всенощномъ бдѣніи и въ псалмѣ «Блаженъ мужъ» заключается менѣе поемыхъ стиховъ, чѣмъ въ тѣхъ же псалмахъ по изложенію Сѣнодальнаго Обихода; въ пѣснопѣніи «Хвалите имя Господне» распѣты только два стиха, а не четыре, въ пѣсно-

пѣніяхъ же: «На рѣцѣ Вавилонстѣй» и «Покаянія отверзи ми двери» (въ Ирмологѣ 1652 г.) распѣто только по одному первому стиху; въ пѣснопѣніи: «Благословлю Господа на всяко время» распѣто только начало. Въ прочихъ пѣснопѣніяхъ сокращеній въ текстѣ не замѣчается.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ юго-западныхъ ирмологахъ есть и такія пѣснопѣнія, которыхъ нѣтъ въ сѣнодальныхъ изданіяхъ. Это особенно пѣснопѣнія во дни нарочитыхъ святыхъ, празднуемыхъ мѣстно съ особенною торжественностію въ Юго-Западной Россіи. Таковы стихиры и иныя пѣснопѣнія: свв. апостоламъ Петру и Павлу, Сѣмеону Столпнику и новому лѣту (1 сент.), архистратигу Михаилу, евангелисту Іоанну Богослову, св. Димитрію, великомученику Георгію, св. Онуфрію (ирмосы), тремъ великимъ святителямъ: Василию Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту, преп. Феодосію. Нѣкоторыя изъ пѣснопѣній юго-западныхъ ирмологовъ, не имѣющіяся въ сѣнодальныхъ изданіяхъ, напоминаютъ мѣстные обстоятельства Юго-Западной Россіи въ эпоху составленія ирмологовъ. Такъ стихира *на проклятіе* и подобенъ: «Кто ти, Спасе, ризу раздра» указываютъ на церковные раздоры въ Юго-Западной Россіи и борьбу православныхъ мѣстныхъ братствъ съ католичествомъ и униєю. Иныя пѣснопѣнія указываютъ на мѣстный обычай отправлять службы *страстей Христовыхъ* съ особенною торжественностію (см. Ирмологъ 1652 г.), иныя—на великіе праздники, въ честь которыхъ именовались наиболѣе знаменитые монастыри и храмы, и къ которымъ обыкновенно приурочивалось присоединеніе къ Православной Церкви иновѣрцевъ и инославныхъ христіанъ. Особенно много пѣснопѣній распѣто на праздники Рождества Христова и Богоявленія, а также въ недѣлю Ваій, въ день Пятидесятницы и день Успенія Богоматери. Нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣснопѣній также нѣтъ въ сѣнодальныхъ изданіяхъ. Но въ юго-западныхъ ирмологахъ нѣтъ стихиръ и иныхъ пѣснопѣній на Вознесеніе Господне, Покровъ Пресвятыя Богородицы, Обрѣзаніе Господне; на Срѣтеніе же Господне распѣтъ одинъ только богородиченъ. Нѣтъ пѣснопѣній явленіямъ чудотворныхъ богородичныхъ иконъ, а также: Николаю Чудотворцу, Фролу и Лавру, Зосимѣ и Савватію, преп. Сергію и другимъ святымъ, особенно празднуемымъ въ Средней и Сѣ-

верной Россіи¹⁾) Иныя пѣснопѣнія юго-западныхъ ирмологовъ касаются частныхъ случаевъ богослуженія, возможныхъ не во многихъ храмахъ, напр., «на умовеніе ногъ», «на постригъ иноковъ».

Но и юго-западные ирмологи, при единствѣ главнаго ихъ содержанія, не одинаковы въ подробностяхъ. Существенную часть ихъ составляютъ ирмосы восьми гласовъ, подобны стихирь, тропари и сѣдальны и, такъ сказать, необходимыя пѣснопѣнія великопостныя и праздничныя, каковыя пѣснопѣнія и излагаются въ каждомъ ирмологѣ. Прочія же пѣснопѣнія имѣются не въ каждомъ ирмологѣ, но въ однихъ ирмологахъ они изложены, въ другихъ нѣтъ. Поэтому въ однихъ ирмологахъ мы видимъ болѣе пространно изложеннымъ одинъ извѣстный отдѣлъ пѣснопѣній, въ другихъ — другой. Такъ, Ирмологъ 1652 г. изобилуетъ праздничными пѣснопѣніями, но въ немъ вовсе нѣтъ отдѣла всенощнаго бдѣнія и литургии. Отдѣлъ этотъ съ присоединеніемъ иныхъ пѣснопѣній напротивъ болѣе подробно изложенъ въ ирмологахъ 1674 и 1709 г. Наболѣе примѣненнымъ къ общимъ потребностямъ клиросной практики должно считать вообще Львовскій Ирмологъ 1709 г., вмѣщающій въ себѣ весь годичный кругъ церковнаго пѣнія въ наболѣе обширномъ сравнительно съ другими ирмологами объемѣ, наболѣе же краткимъ — Львовскій Ирмологъ 1700 г., не имѣющій

1) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. И. Чистовичемъ въ книгѣ „Очеркъ исторіи западно-русской Церкви“, ч. 2. Спб. 1884 г., самыя многочисленныя по названіямъ монастыри на юго-западѣ Россіи были: *Троицкіе*, сначала съ Виленскимъ (перешедшимъ къ базилианамъ), а потомъ съ Слуцкимъ во главѣ; *Свято-Духовскіе*, въ числѣ которыхъ особенно былъ знаменитъ Виленскій ставропигіальный съ образами свв. Антонія и Θεодосія на воротахъ; *Успенскіе* съ Львовскою ставропигіею; *Спасо - Преображенскіе*, *Воскресенскіе*, *Боявленскіе* и *Онуфріевскіе*. Менѣе многочисленны были монастыри: *Благовѣщенскіе*, *Крестовоздвиженскіе*, *Петропавловскіе*, *Іоанно-Богословскіе*, *Георгиевскіе* и во имя *Стефана Столпника*. Замѣчательно, что монастыри и церкви съ названіями: *Вознесенскіе* и *Николаевскіе* по большей части были или отняты у православныхъ католиками и униатами, или же разорены. Какъ одинокіе по своимъ названіямъ монастыри исторіею края упоминаются: *Покровскій*—Соломерецкій, *Ильинскій*—Слуцкій, *Введенскій*—Купятинскій, *Варваринскій*—Пинскій женскій, *Марковъ*—Витебскій. *Рождество-Богородицкій*—Оршанскій, *Входа Господня въ Іерусалимъ*—Могилевскій. Но одинокіе по названіямъ монастыри, а равно монастыри женскіе и приходскія церкви разныхъ названій не вызывали юго-западныхъ мастеровъ пѣнія къ распѣванію пѣснопѣній въ честь ихъ мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ. Великіе святители: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ были на юго-западѣ Россіи образцами подражанія въ литературно-богословскихъ трудахъ. См. тамъ же, стр. 302, изъ письма Іова Княгиницкаго къ іеромонаху Кириллу Транквилюну.

сравнительно съ другими ирмологами многихъ, особенно же праздничныхъ пѣснопѣній, и органичивающійся, можно сказать, лишь самыми необходимыми изъ нихъ. Ирмологъ 1674 г. почти во всемъ сходенъ съ Ирмологомъ 1709 г. и не имѣетъ сравнительно съ нимъ лишь не многихъ пѣснопѣній.

Распределение пѣвческаго матеріала по отдѣламъ и порядку изложенія пѣснопѣній въ юго-западныхъ ирмологахъ, при общемъ ихъ сходствѣ въ этомъ отношеніи, также не одинаковы въ подробностяхъ, именно:

Главную и существенную часть всѣхъ юго-западныхъ ирмологовъ составляютъ *ирмосы*, расположенные на восемь гласовъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній изъ Октоиха. Отдѣлъ ирмосовъ въ означенныхъ ирмологахъ есть самый обширный отдѣлъ, по которому они и получили свое названіе. Количество ирмосовъ въ ирмологахъ не одинаково, но въ однихъ ирмологахъ ихъ нѣсколько болѣе, въ другихъ менѣе, вообще же во всѣхъ юго-западныхъ ирмологахъ ихъ значительно менѣе, чѣмъ въ Ирмологѣ сѣнодальнаго изданія,—этомъ специальномъ сборникѣ ирмосовъ. Порядокъ ирмосовъ какъ въ сѣнодальномъ, такъ и въ юго-западныхъ ирмологахъ, одинъ и тотъ же, за исключеніемъ неважныхъ разностей. Въ этомъ отдѣлѣ, въ началѣ cadaго изъ восьми гласовъ, предъ ирмосами положены: воскресный богородиченъ догматикъ (догматъ), богородиченъ на стиховнѣ и степенны (антифоны: 1, 2 и 3). Въ ирмологахъ 1652, 1674 и 1709 г. къ этимъ пѣснопѣніямъ присоединены еще *стѣдальны* по 1-мъ и 2-мъ стихологѣ (стихословіи) съ *крестовоскресными* и богородичными, *болгарскаго* распѣва, а въ Ирмологѣ 1709 г. сверхъ того еще: пѣснопѣніе «Господи воззвахъ» cadaго гласа (безъ «Да исправится молитва моя»), стихирный запѣвъ «слава и нынѣ» и воскресный прокимень на утрени,—*киевскаго* распѣва. Означенные *стѣдальны* въ Ирмологѣ 1700 г. отнесены къ отдѣлу подобновъ на «Богъ Господь», крестовоскресны же и богородичны, а также «Господи воззвахъ», стихирные запѣвы и прокимны, опущены.

Въ ирмологахъ 1674 и 1709 г. передъ ирмосами въ особомъ приложеніи, безъ счета листовъ, помѣщаются пѣснопѣнія изъ всеощнаго бдѣнія и литургіи (Іоанна Златоу-

стаго, Василя Великаго и Преждеосвященныхъ даровъ), «Богъ Господь» восьми гласовъ *киевского* и *болгарскаго* распѣвовъ, затѣмъ: троичны, блаженны, катаваси («Избави отъ бѣдъ») и богородичны дневныя, — восьми гласовъ, а также нѣкоторыя другія—дополнительныя пѣснопѣнія изъ Обихода, напр., пѣснопѣнія: въ недѣлю Блуднаго сына и Мытаря и Фарисея, прокимны великіе, кондаки на акаѳистахъ Спасителю и Божіей Матери, пѣснопѣнія: «Вечери твоя тайныя», «Архангельскій гласъ» и «Съ нами Богъ». Отдѣлъ этотъ, въ краткомъ и незаконченномъ его видѣ, въ Ирмологѣ 1700 г. помѣщенъ въ самомъ концѣ книги, а въ Ирмологѣ 1652 г. вовсе не имѣется.

Въ особомъ отдѣлѣ помѣщаются «подобна на осмь гласовъ». Это тѣ же подобны для стихирь, которые излагаются и въ Синодальномъ Октоихѣ, съ нѣкоторыми къ нимъ дополненіями. Въ Ирмологѣ 1700 г. съ этимъ отдѣломъ соединенъ еще отдѣлъ *подобновъ* на «Богъ Господь» (воскресныхъ тропарей, сѣдальновъ и другихъ пѣснопѣній), въ прочихъ ирмологахъ размѣщаемыхъ по другимъ отдѣламъ.

Стихиры праздникамъ Господскимъ, Богородичнымъ и нарочитыхъ святыхъ, составляютъ особый отдѣлъ, распадающійся на двѣ части, изъ коихъ къ первой относятся пѣснопѣнія *Постной* и *Цвѣтной Трїоды*, а ко второй—праздничныя пѣснопѣнія *Миней*. Отдѣлъ этотъ, какъ выше сказано, въ Ирмологѣ 1652 г. довольно обширенъ, а въ Ирмологѣ 1700 г. весьма кратокъ. Въ концѣ этого отдѣла въ печатныхъ львовскихъ ирмологахъ присоединяются еще пропущенныя въ своихъ мѣстахъ пѣснопѣнія: «оставльшія ирмосы и оставльшія подобны» а въ Ирмологѣ 1709 г. въ самомъ концѣ книги помѣщены еще: пѣснопѣніе «Тебе Бога хвалимъ», а также припѣвы Пресвятой Троицы и Богородицы.

Въ концѣ каждаго Ирмолога, въ видѣ особаго приложенія помѣщается реэстръ (скара) или указатель ирмосовъ подобный тому, какой приложенъ и въ концѣ Синодальнаго Ирмолога. Реэстра этого нѣтъ только въ Ирмологѣ 1674 г., каковой Ирмологъ представляется, какъ сказано, не законченною рукописью. Сообразно содержанію ирмологовъ въ реэстрѣ помѣщается и указатель ирмосовъ во дни нарочитыхъ святыхъ, въ концѣ же Ирмолога 1652 г. присоединены еще сверхъ того «Мѣсяцесловъ» и Пасхалія» (л. 339).

Церковные напѣвы въ юго-западныхъ ирмолагахъ. Церковное пѣніе Юго-Западной Руси имѣеть въ своемъ основаніи одинъ и тотъ же главный источникъ съ пѣніемъ великороссійской Церкви, именно пѣніе *знаменное* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или *столповое*, греко-славянскаго происхожденія, перешедшее въ Россію, какъ думаютъ, чрезъ посредство аѳонскихъ монаховъ¹⁾, и затѣмъ видоизмѣненное и украшенное мастерами пѣнія изъ русскихъ. До XVII вѣка какъ въ Сѣверо-Восточной, такъ и въ Юго-Западной Руси *столповое* пѣніе писалось одними и тѣми же безлинейными *столповыми* знаменами²⁾ и, безъ сомнѣнія, было, если не во всемъ и не повсемѣстно тождественнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма близкимъ въ мелодическомъ отношеніи. Но довольно продолжительный періодъ политическаго и церковнаго разьединенія Юго-Западной и Московской Руси (XV—XVII в.) не могъ не имѣть вліянія на образованіе въ церковномъ пѣніи, а равно и въ изложеніи мелодій нѣкоторыхъ разностей въ томъ и другомъ краѣ. Къ тому вели: неодинаковость мѣстныхъ условій церковной жизни и церковныхъ потребностей, разность мѣстныхъ вкусовъ и внѣшнихъ вліяній, а затѣмъ и разность направленія церковнопѣвческихъ школъ, съ ихъ мастерами во главѣ. Такимъ образомъ появились разности въ роспѣвахъ, въ мелодическихъ оборотахъ однихъ и тѣхъ же напѣвовъ, въ способахъ изложенія мелодій и въ нотныхъ знакахъ, въ ритмическихъ свойствахъ и мелодическихъ украшеніяхъ. Разности эти затѣмъ, ставъ привычными въ клиросной практикѣ Московской и Юго-Западной Руси, въ той и другой со временемъ осложнились, получили опредѣленный характеръ и, наконецъ, упрочены чрезъ посредство школьнаго обученія и нотныхъ сборниковъ.

Новыя редакціи стараго знаменнаго роспѣва. Старый знаменный или *столповой* роспѣвъ, извѣстный изъ безлинейныхъ рукописей XV и XVI вѣка, сохранился какъ въ великорусскихъ, такъ и въ юго-западныхъ пѣвческихъ сбор-

1) Именно чрезъ Солунскій Пантелеимоновъ монастырь, издавна обитовавшій иноками изъ славянъ и находившійся подъ покровительствомъ Россіи. См. „Церковно-русское пѣніе“. Ст. Д. В. Разумовскаго, стр. 13. Изъ „Трудовъ археологическаго съѣзда“. Москва. 1871 г.

2) Исключая развѣ *казанское знамя*, изобрѣтенное въ память покоренія города Казани при царѣ Іоаннѣ Грозномъ.

никахъ. Но съ какою бы строгостію ни сохранялась древность церковныхъ напѣвовъ, они, какъ и произведенія другихъ искусствъ, все-таки находятся въ зависимости отъ времени и мѣста, а равно и отъ другихъ условій, и постепенно измѣняются. Народный творческій геній, таланты и познанія частныхъ лицъ, внутреннія обстоятельства и внѣшнія вліянія страны или края, въ большей или меньшей степени преобразуютъ пѣніе и привносятъ въ него постоянно новые элементы. Древнее, встрѣчаясь съ новымъ, постепенно уступаетъ ему мѣсто и со временемъ становится неяснымъ, невозможнымъ для воспроизведенія въ точномъ его видѣ и непривлекательнымъ. И древній *столповой* распѣвъ въ первой половинѣ XVII вѣка не остался въ прежнемъ его видѣ, въ какомъ существовалъ ранѣе, но какъ въ Великой Россіи, такъ и въ Юго-Западной потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія. Въ это время въ Великой Россіи было не мало мастеровъ церковнаго пѣнія, которые видоизмѣняли и украшали по своему вкусу старые столповые напѣвы, внося въ нихъ каждый свои *попѣвки*, мелодическіе варианты и украшенія. Отъ этого появились разныя редакціи одного и того же *столповаго* пѣнія, новые подъ разными названіями распѣвы и переводы¹⁾. То же самое происходило и въ Юго-Западной Руси внѣ вліянія Руси Московской, хотя юго-западные мастера церковнаго пѣнія и ихъ труды, за меньшею доступностію для насъ историческихъ памятниковъ того мѣста и времени, менѣе намъ извѣстны. И тамъ въ старыхъ знаменныхъ напѣвахъ допущены новыя мелодическія распространенія, сокращенія и украшенія; мелодическое движеніе приняло отпечатокъ юго-западнаго славянскаго вкуса и стиля. Такимъ образомъ *столповой* распѣвъ получилъ новую южно-русскую редакцію. Особенно дѣятельное участіе въ разработкѣ церковнаго пѣнія принимали православные юго-западные братства и монастыри, находившіе въ церковномъ пѣніи одно изъ важныхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ борьбѣ съ католичествомъ и уніею. Ихъ усиліями заводились школы, въ которыхъ церковное пѣніе было однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія, устраивались хоры,

¹⁾ См. „О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви“, И. Вознесенскаго. Кіевъ. 1887 г. § 4

собирались и упорядочивались церковные напѣвы, писались и наконецъ, съ начала XVIII вѣка издавались печатно богослужебныя пѣвческія книги.

Въ юго-западныхъ нотныхъ ирмолагахъ напѣвы большею частію излагаются безъ наименованій и нѣкоторые изъ нихъ получаютъ общее названіе *кіевского роспѣва* только по перенесеніи ихъ въ нотныя книги великорусскія, что мы видимъ, напр., въ Синодальномъ Обиходѣ и частію Октоихѣ. Что же это за напѣвы и къ какому виду роспѣвовъ относятся? Тщательное сравненіе мелодій показываетъ, что напѣвы эти принадлежатъ именно къ *столповому* или знаменному пѣнію, почему не имѣютъ и особыхъ названій. Сюда относятся всѣ ирмосы 8-ми гласовъ, излагаемые на ряду, а равно и ирмосы—розники, подобны для пѣнія стихирь, воскресные богородичны догматики и на стиховнѣ, степенны, многія стихиры праздничныя и *славники* и нѣкоторыя другія пѣснопѣнія. Разности этихъ напѣвовъ съ великорусскими знаменными, напр., изложенными въ синодальныхъ изданіяхъ, иногда весьма незначительны. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ разности редакціи и подписи текста, въ неодинаковости тональностей, въ которыхъ изложены мелодіи и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ мелодическаго движенія при общемъ и весьма осязательномъ сходствѣ напѣвовъ. А такимъ образомъ напѣвы эти, не имѣя самобытности, не составляютъ какого либо особаго роспѣва, но представляютъ собою лишь *особое изложеніе* того же древняго столповаго или знаменнаго роспѣва юго-западныхъ или кіевскихъ редакцій XVII вѣка, между тѣмъ какъ напѣвы, изложенные въ Великой Россіи подъ именемъ знаменныхъ, представляютъ собою *столповой* роспѣвъ великорусскихъ редакцій XVII и XVIII вѣка. Такимъ образомъ редакціи московскія и юго-западная должны пополнять и уяснять себя взаимно и сходиться въ напѣвахъ XV и XVI вѣка, послужившихъ имъ основаніемъ. Должно думать, что сопоставленіе этихъ редакцій много могло бы способствовать къ облегченію чтенія пѣвческихъ рукописей, писанныхъ ранѣе XVII вѣка, и къ уясненію содержащихся въ нихъ напѣвовъ. А такимъ образомъ и напѣвы, извѣстные намъ изъ Синодальнаго Обихода и Октоиха подъ именемъ *кіевского* роспѣва суть по большей части тѣ же *столповые* или зна-

менные. Они не суть и искаженія знаменнаго распѣва, какъ очень строго полагають нѣкоторые¹⁾, но именно напѣвы юго-западной редакціи, которыхъ большая или меньшая близость къ древнимъ столповымъ напѣвамъ, сравнительно съ великорусскими редакціями, еще не выяснена, какъ не выяснены и отношенія къ древнему *столповому* распѣву великорусскихъ редакцій XVII и XVIII вѣка.

Но въ нотныхъ книгахъ какъ великорусскихъ, такъ и юго-западныхъ имѣются и *отдѣльныя редакціи столповаго пѣнія*, а также *распѣвы производные и мѣстные*, которые идутъ въ нихъ, какъ сказать, параллельно. Одни изъ этихъ распѣвовъ состоятъ въ наибольшемъ развитіи, распространеніи и украшеніи обыкновеннаго стараго столповаго пѣнія и усвояются пѣнію *праздничному*, другіе же напротивъ—въ его сокращеніи и примѣнены главнымъ образомъ къ службамъ *повседневнымъ* и частнымъ, иные, наконецъ, имѣють мѣстное происхожденіе и представляютъ собою болѣе или менѣе отдаленныя видоизмѣненія старыхъ знаменныхъ напѣвовъ или даже отдѣльные, оригинальные образцы пѣнія. При этомъ замѣчательно, что уклоненія отъ стараго столповаго пѣнія въ Великой Россіи не только въ послѣдніе два вѣка, но и въ XVII вѣкѣ шли гораздо быстрѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ Юго-Западной Россіи, такъ что, наконецъ, въ первой праздничные напѣвы и наиболѣе торжественныя пѣснопѣнія иногда получаютъ видъ чрезмѣрно *растянутаго* пѣнія, а напѣвы сокращенные или *дневные* — видъ пѣнія слишкомъ скорого или *былаго*; между тѣмъ какъ въ юго-западныхъ ирмолагахъ столь рѣзкаго измѣненія церковныхъ напѣвовъ не замѣчается. Причиною такихъ видоизмѣненій и развѣтвленій стараго *столповаго* пѣнія, а равно и причиною различія между пѣніемъ великорусскимъ и юго-западнымъ служить церковно-гражданскій бытъ того и другаго края Россіи. Въ Московской Руси торжественность и, такъ сказать, церемоніальность патриаршаго служенія въ XVII вѣкѣ нерѣдко соединенная съ церемоніальностію великихъ государственныхъ торжествъ²⁾, требовали соответственнаго кли-

1) Къ этой мысли склоненъ и И. М. Потуловъ. См. его „Руков. къ практич. изученію древ. богослуж. пѣнія“. Москва. 1875 г. стр. 73.

2) Напр., коронованія и погребенія государей, торжества побѣд, встрѣчи восточныхъ патриарховъ и проч.

роснаго пѣнія—торжественнаго, протяженнаго, украшеннаго. А потому и въ пѣвчихъ книгахъ того времени мы видимъ множество праздничныхъ пѣснопѣній, распѣтыхъ при томъ весьма протяженными распѣвами; встрѣчаемъ и особый *распространенный* видъ знаменнаго распѣва, свойственный исключительно праздничнымъ пѣснопѣніямъ и особенно *славникамъ*, видъ въ юго-западныхъ ирмолагахъ совершенно неизвѣстный. Съ другой стороны въ предѣлахъ Московской Руси частое участіе христіанъ въ общественномъ богослуженіи и особенно обычное тамъ совершеніе многочисленныхъ, соединенныхъ съ пѣніемъ, домашнихъ богослуженій, какъ-то: всенощныхъ бдѣній, вечерень, повечерницъ, часовъ, молебновъ, панихидъ и проч. вызвали потребность сокращенныхъ или *дневныхъ* напѣвовъ. Ибо иначе у совершителей сихъ богослуженій не достало бы ни времени, ни силъ для ихъ совершенія, а у молящихся—усердія и готовности посѣщать оныя. Сокращенные напѣвы, развившись въ систему, составили *малый знаменный* распѣвъ, ставшій извѣстнымъ въ Великой Россіи въ концѣ XVI и особенно въ началѣ XVII вѣка, и наконецъ, перешли въ группу напѣвовъ такъ называемыхъ *обычныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ соотвѣтственно роду богослуженій въ Великой Россіи въ XVII вѣкѣ различались знаменныя распѣвы: *средній распространенный* и *малый*.—Въ Юго-Западной Россіи не было особыхъ причинъ ни къ распространенію напѣвовъ, ни къ ихъ сокращенію. Согласно съ церковнымъ Уставомъ въ церковно-богослужебной практикѣ различались и тамъ богослуженія *праздничныя*, но они не требовали особой церемоніальности, были и богослуженія *дневныя*, но они не нуждались, какъ домашнія, въ особой снѣшности. Отъ того и въ нотныхъ книгахъ юго-западнаго происхожденія мы хотя и находимъ праздничныя напѣвы, но въ числѣ ихъ не видимъ *распространеннаго* вида напѣвовъ московскихъ. Въ нихъ встрѣчаются и краткіе или *дневные* распѣвы (кіевскій и болгарскій), но они весьма рѣдко прилагаются къ пѣснопѣніямъ, а съ другой стороны отличаются отъ московскихъ болѣе пространными мелодіями и вдвое протяженнѣйшимъ нотнымъ положеніемъ. Вообще въ юго-западныхъ ирмолагахъ есть напѣвы болѣе протяженные или *праздничныя* и болѣе краткіе—*дневныя*, но нѣтъ напѣвовъ

растянутыхъ, а равно и *бѣглыхъ*; различіе между тѣми и другими напѣвами въ нихъ менѣе рѣзко, чѣмъ въ великорусскихъ изданіяхъ.

Въ Московской Руси, кромѣ общихъ видовъ знаменнаго пѣнія, т. е. распѣвовъ *средняго*, *распространеннаго* и *малаго*, въ XVII вѣкѣ, было извѣстно много и другихъ *производныхъ* распѣвовъ подъ разными названіями, указывающими на ихъ слагателей, мѣста употребленія, отличительные признаки и проч.¹⁾. Подобно сему и въ юго-западныхъ ирмолагахъ имѣются и отдаленныя редакціи столповаго пѣнія и мѣстные распѣвы. Къ послѣднимъ принадлежатъ, напр., *большой* и *малый кѣноникъ* неизвѣстнаго распѣва и распѣвъ *острозскій*. Эти-то собственно отдаленныя редакціи и распѣвы, неизвѣстные Великой Россіи до половины XVII вѣка, и составляютъ особенность юго-западнаго пѣнія, извѣстнаго подъ общимъ именемъ *кѣвскаго распѣва*. Однако распѣвы эти не многочисленны и при томъ отрывочны, т. е. не заключаютъ въ себѣ полного церковнаго осмогласія; да и самое названіе *кѣвскаго распѣва* они получаютъ лишь въ позднѣйшихъ по происхожденію ирмолагахъ и особенно въ Синодальныхъ изданіяхъ—Обиходъ и Октоихъ.—Изъ всего этого вытекаетъ заключеніе, что въ юго-западныхъ ирмолагахъ собственно *кѣвскаго распѣва*, какъ распѣва самобытнаго, не существуетъ, а существуютъ только южныя редакціи *столповаго пѣнія* и лишь немногіе отдѣльные образцы напѣвовъ мѣстнаго происхожденія, которые, со второй половины XVII вѣка бывъ перенесены въ великорусскія нотныя книги, получили въ нихъ названіе *кѣвскаго распѣва*.

Наконецъ, въ XVII вѣкѣ какъ въ великой Россіи, такъ и въ Юго-Западной къ прежнимъ распѣвамъ присоединяются *распѣвы* совершенно *иной конструкціи и характера*, чѣмъ распѣвъ старый знаменный съ его редакціями и распѣвами отъ него производными. Въ Великой Россіи съ половины XVII вѣка сталъ извѣстенъ распѣвъ *греческій*, принесенный сюда спутниками восточныхъ патріарховъ и особенно діаконъ Мелетіемъ и примѣненный главнымъ образомъ къ пѣнію тропарей и частію ирмосовъ. Пѣсно-

¹⁾ См. „О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви“, И. Вознесенскаго. Кіевъ. 1887 г. § 4.

пѣній греческаго распѣва, извѣстныхъ намъ изъ великороссійскихъ рукописей и Синодальныхъ изданій, въ юго-западныхъ нотно-линейныхъ ирмолагахъ нѣтъ ни одного. Но за то въ нихъ есть вмѣсто него полное осмогласіе *болгарскаго распѣва*, примѣненное также особенно къ пѣнію «Богъ Господь», тропарей, сѣдальновъ, нѣкоторыхъ стихирь и другихъ немногихъ пѣснопѣній и даже частію ирмосовъ (напр., въ недѣлю Ваій). *Болгарскій* распѣвъ заимствованъ юго-западными братствами отъ придунайскихъ славянъ, съ которыми Юго-Западная Россія, по близости мѣста, имѣла постоянныя сношенія¹⁾. Распѣвъ этотъ самобытенъ, отличается отъ *столповаго* и областями гласовъ, и гласовыми примѣтами (т. е. господствующими и конечными звуками гласовыхъ мелодій) и конструкціею построения мелодическихъ строкъ, и мелодическимъ движеніемъ и наконецъ, нѣкоторыми ритмическими свойствами. Въ своемъ характерѣ онъ носитъ ясныя слѣды народно-славянскаго пѣнія. Въ юго-западныхъ ирмолагахъ онъ удобообразимъ и безъ названій; но почти всѣ пѣснопѣнія, имъ распѣтыя, во всѣхъ ирмолагахъ имѣютъ надписаніе «болгарскаго напѣву» или «болгарское». Болгарскій распѣвъ разнообразенъ какъ по протяженности напѣвовъ, такъ и по видамъ пѣснопѣній. Различаются: *большой* — праздничный болгарскій распѣвъ и *малый* или дневной (будничный). Различныя пѣснопѣнія одного и того же гласа болѣе или менѣе разнятся напѣвомъ, смотря по тому, къ какому виду пѣснопѣній они принадлежатъ. Ирмосы поются иначе, чѣмъ стихирь и тропари, «Богъ Господь» и тропари нѣсколько иначе, чѣмъ сѣдальны и т. д.¹⁾, праздничныя и торжественныя пѣснопѣнія иначе, чѣмъ пѣснопѣнія положенныя на ряду. Нѣкоторыя торжественныя пѣснопѣнія отличаются

1) Заимствованіе болгарскаго распѣва въ Россію было и непосредственно отъ болгаръ (и сербовъ) и чрезъ посредство аеонскихъ монастырей, по образцу которыхъ устроились многіе монастыри Юго-Западной Руси въ началѣ XVII вѣка. См. „Очеркъ исторіи западно-русской Церкви“, И. Чистовича, ч. 2. Спб. 1884 г., стр. 300. О сношеніяхъ юго-западныхъ братствъ по церковному пѣнію съ южными славянами и о болгарскомъ распѣвѣ на Аѳонѣ см. „Церковное пѣніе въ Россіи“, о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 174—176.

1) Въ Синодальномъ Обиходѣ съ л. 39 на об. пѣснопѣнія „Богъ Господь“ и сѣдальны, распѣтыя *болгарскимъ* распѣвомъ, представляютъ собою разные виды гласовыхъ напѣвовъ, а потому въ точности и не сходны между собою по напѣву.

сложностию мелодическаго построения, разнообразіемъ оборотовъ и замѣчательною художественностию.

Кромѣ распѣвовъ *знаменнаго* или *столповаго* южно-русской редакціи, *кіевскаго*, извѣстнаго изъ немногихъ образцовъ мѣстнаго происхожденія, и *болгарскаго*, заимствованнаго отъ славянъ придунайскихъ, въ юго-западныхъ ирмолагахъ другихъ напѣвовъ не встрѣчается. Означенные же здѣсь распѣвы въ юго-западныхъ ирмолагахъ имѣютъ особую *систему совмѣщенія*. Именно: богородичны догматики и на стиховнѣ, антифоны, ирмосы, праздничныя стихирьы и особенно ихъ *славники* въ нихъ распѣты обыкновенно *большимъ знаменнымъ* распѣвомъ весьма близкой редакціи къ редакціямъ московскимъ того же распѣва; нѣкоторые подобны стихирь, «Господи воззвахъ», прокимны, нѣкоторыя не смѣняемыя пѣснопѣнія церковныхъ службъ и немногія праздничныя пѣснопѣнія—*кіевскимъ* распѣвомъ съ его отраслями; пѣснопѣнія же «Богъ Господь» съ тропарями, сѣдальными и другими пѣснопѣніями по 1-мъ и 2-мъ стихословіи, немногіе *славники* и немногія другія пѣснопѣнія—распѣвомъ *болгарскимъ*, который въ Синодальномъ Обиходѣ частію удержанъ, по большей же части замѣненъ распѣвомъ *греческимъ*.

Со 2-й половины XVII вѣка распѣвы Юго-Западной Руси—*кіевскій* и *болгарскій*—перенесены и въ Великую Россію и наконецъ, въ 1772 г. изложены печатно въ Синодальномъ Обиходѣ на ряду съ старымъ знаменнымъ распѣвомъ и греческимъ. Но мелодіи пѣснопѣній, распѣтыхъ этими распѣвами, здѣсь редактированы нѣсколько иначе, чѣмъ въ разсматриваемыхъ нами юго-западныхъ ирмолагахъ; иныя же пѣснопѣнія вовсе пропущены. Вообще напѣвы кіевскаго и болгарскаго распѣва точнѣе удерживаютъ принадлежащія имъ свойства и особенности въ юго-западныхъ ирмолагахъ, чѣмъ въ Синодальныхъ изданіяхъ. Въ послѣднихъ они нерѣдко излагаются или сокращенно («Господи воззвахъ», прокимны и проч. кіевскаго р.) или вообще менѣе правильно и послѣдовательно (напѣвы болгарскаго распѣва).

Нотные знаки, гамма, тональности и знаки перемѣнные. Всѣ разсматриваемые нами юго-западные ирмологи написаны или напечатаны *кіевскимъ знаменемъ*, т. е.

квадратными нотами пятилинейной системы, ставшей известною на Юго-Западѣ Россіи сначала въ школьномъ употребленіи въ началѣ XVII вѣка, а затѣмъ въ половинѣ этого вѣка и въ пѣвчихъ книгахъ для клироснаго употребленія ¹⁾). Нотные знаки въ ирмолагахъ 2-й половины

1) Подробности см. „Церковно-русское пѣніе“, ст. Д. В. Разумовскаго, изъ „Трудовъ археологическаго съѣзда“. Москва. 1871 г. стр. 22—24, а также: „Теорія и практика церковнаго пѣнія“, его же. Москва. 1886 г. стр. 79—80. Прилагаемъ образецъ квадратныхъ печатныхъ нотъ 2-й половины XVI вѣка съ знаками дѣленія мелодіи и текста.

О рocuszeniu. Pierwja Piosnká.

Wj - mi - e kr - ystu - sa du - fa mi /
 bo wnim swesz ba - wie - nie ma - my / ste - goc
 nas za - den nie - zwiedzie / bo on nas sam
 pil - no strze - ze / zie - go rak nas nikt nie wydrze.

Кромѣ квадратной формы нотныхъ знаковъ въ этой нотации мы видимъ знакъ переноса мелодіи съ одной строки на другую ◆ ◆, знаки дѣленія текста и мелодіи на стихи (строки) | а въ нѣкоторыхъ нотныхъ образцахъ и бемоли въ ключѣ, по одному въ началѣ строки. Текстъ безъ нотъ также раздѣленъ знаками на стихи и строфы.

Отрывокъ „О рocuszeniu“ взятъ нами изъ книги „Katechizm... z molitwami, Psálmami y Piosnkami“. Druwakono w Niesnieżu, Roku 1563. Собщено свящ. В. Плиссомъ.

Самый ключъ въ однихъ образцахъ теноровый, а въ другихъ альтовый. Знаки дѣленія | имѣются не во всѣхъ нотныхъ образцахъ, тогда какъ знаки дѣленія текста всюду ему присущи.

Нотные знаки Юго-западныхъ ирмологовъ по изданію J. De-Kastro. Roma. 1881 ann. (p. 45 и др.)

Долгая. Краткая. Скорая. Быстрая. Точка.

Но они могутъ быть изображаемы, говоритъ Де-Кастро, и точками.

О самобытности кievскаго знамени отъ Гвидоновскаго, Демуриссовскаго и псалтери Гусса см. „Церк. пѣніе въ Россіи“, Разумовскаго, стр. 85. Тамъ же и очертанія этихъ знаменъ.

XVII и начала XVIII вѣка суть слѣдующіе: *тактъ* , *полутактъ* , *четверть* , *получетверть*, выражаемая *ломаными* или же *вязаными* нотами. «Точка съ полутактомъ или съ четвертью, сказано въ Ирмологѣ 1709 г., изъясняетъ *четверть*». Другіе знаки: *ключъ* въ началѣ каждой строки: , , ; знакъ переноса или продолженія мелодіи: ; и наконецъ, знакъ переменный *бемоль* . Кромѣ того въ ирмологахъ имѣются разнообразныя, но съ перваго же взгляда понятныя всякому, знаки большой остановки среди пѣснопѣнія и знаки финальныя. Въ Ирмологѣ 1652 г. мелодія излагается нотами вдвое протяженнѣйшими противъ прочихъ ирмологовъ, именно такъ: *тактъ* , *полутактъ* , *четверть* , *получетверть* ; Ноты же *ломаныя* и *вязаныя* , обозначающія шестнадцатая доли такта, весьма рѣдки. Въ печатныхъ львовскихъ ирмологахъ *вязаныя* ноты не встрѣчаются, а только *ломаныя*. Знаковъ мелодической экспрессіи въ юго-западныхъ ирмологахъ не имѣется.

Въ Львовскомъ Ирмологѣ 1709 г. на л. 3, вложенномъ въ него изъ другаго неизвѣстнаго печатнаго же изданія, изложенъ «Алфавитъ ірмологисанія», т. е. такъ называемая «пѣвчая азбука», содержащая объясненіе шести знаменъ церковной, употребительной тогда гаммы на це-фа утномъ ключѣ, въ ихъ *среднемъ*, *вышемъ* и *нижайшемъ* *гласѣ*, а затѣмъ— «сочлененіе всѣхъ тѣхъ знаменій» въ одну гамму и наконецъ, «обученіе», т. е. голосовое упражненіе, объемлющее всѣ звуки гаммы въ одной связной мелодически прелюдіи. Шестистепенный рядъ нотныхъ знаменъ въ трехъ его отдѣлахъ съ добавкою верхняго *фа* (ца) заключаетъ въ себѣ 13 звуковъ и изображается такъ:

Гласа средняго. Гласа высшаго Гласа низкайшаго.

утъ-ре-ми-фа-соль-ля утъ-ре-ми-фа-соль-ля-фа утъ-ре-ми-фа-соль-ля.

«Сочлененіе всѣхъ тѣхъ знаменій» или полная гамма имѣетъ слѣдующій видъ:

1 1 1/2 1 1 1/2 1 1 1/2 1/2 1 1 1/2 1 1 1/2 1 1 1/2 1 1

Низкія ноты гаммы встрѣчаются только въ мелодіяхъ съ нисходящимъ порядкомъ звуковъ, именно въ срединѣ пѣснопѣній на концахъ мелодическихъ періодовъ и въ концѣ пѣснопѣній въ строкахъ заключительныхъ ¹⁾, но никогда не употребляются въ началѣ пѣснопѣній и мелодическихъ періодовъ, а равно и при восходящемъ движеніи мелодіи. Высшія ноты гаммы (*фа* и даже *ля*), за пониженіемъ мелодій сравнительно съ крюковыми рукописями и Синодальными изданіями, встрѣчаются весьма рѣдко и, такъ сказать, по исключенію, а нотъ выше верхняго *фа* (*ца*) совсѣмъ нѣтъ въ южно-русскихъ изданіяхъ. Гамма эта, какъ и гамма Синодальныхъ изданій, состоитъ собственно изъ десяти звуковъ, расположенныхъ въ три соединенные тетра хорда: *соль, ля, си, до, ре, ми, фа, соль, ля, си*, т. е. на два верхніе звука *до, ре* убавлена сравнительно съ гаммою безлинейныхъ рукописей *столповаго* пѣнія, близкою къ *византійской не измѣняемой звуковой лѣствицѣ*, но для нисходящихъ мелодій дополнена снизу еще четвертымъ, соединеннымъ же тетра хордомъ. Для нотированія мелодій вся она распределѣна на три *гектахорда*, каждый съ полутоннымъ интервалломъ въ срединѣ. Каждая нота, начинающая *тетрахордъ*, т. е. послѣдующая за полутоннымъ интервалломъ кверху, имѣетъ двойное назва-

¹⁾ См., напр., въ Ирмологѣ 1700 г. стих. Петру и Павлу, стр. 433 и пѣснопѣніе «Повелѣнное тайно», стр. 371.

ніе: *утъ* и *фа*, предыдущая ей нота снизу — названіе *ми* и *ля*; прочія ноты гектахорда получаютъ соотвѣтственные имъ названія.

Въ византійской системѣ *осмогласія* существуютъ только двѣ тональности, въ которыхъ излагаются мелодіи, именно: *Лидійская*, соотвѣтствующая *ге—миноръ* и *Грполидійская* — *ла—миноръ*, звуки которыхъ не нисходятъ ниже звука *ля*, по общепринятой нынѣ гаммѣ. Подобно сему нотируются и мелодіи *столповаго* пѣнія въ безлинейномъ ихъ изложеніи, съ присовокупленіемъ лишь низшаго добавочнаго звука *соля* (*уть*). Въ Синодальныхъ изданіяхъ мелодіи столповаго пѣнія нотируются вообще въ областяхъ пониженныхъ сравнительно съ безлинейными рукописями, но за исключеніемъ гласовъ 5-го и 6-го и иногда мелодій ирмолога, вообще въ тѣхъ же двухъ тональностяхъ *Лидійской* или *Грполидійской*. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мелодіи иногда нотируются въ тѣхъ же тональностяхъ, въ какихъ онѣ нотированы и въ Синодальныхъ изданіяхъ, по большей же части въ пониженныхъ областяхъ звуковъ, внѣ византійскихъ двухъ тональностей, при томъ не только въ разныхъ ирмологахъ и гласахъ, но часто и въ одномъ и томъ же Ирмологѣ, въ одномъ и томъ же гласѣ, въ разныхъ тональностяхъ. Такое пониженіе мелодій чаще всего происходитъ *на кварту* (особенно въ Ирмологѣ 1700 г.), но иногда (особенно въ Ирмологѣ 1652 г.) *на секунду*; рѣже — *на терцію* и *на квинту*. Послѣднія два рода пониженія обнаруживаются въ означенныхъ ирмологахъ взаимною разностию нотирования однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній на секунду вверхъ или внизъ.

Такая разность тональностей объясняется частію дѣйствительнымъ соотвѣтствіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ византійской теоріи церковнаго осмогласія. Такъ, мелодіи 6-го гласа, при ихъ перемѣщеніи изъ *Грполидійской* тональности въ *Лидійскую*, дѣйствительно должны быть понижены *на квинту*, какъ это сдѣлано, напр., въ Ирмологѣ 1652 г., а не *на кварту*, какъ онѣ изложены въ Синодальныхъ изданіяхъ, т.-е. должны быть изложены на секунду ниже Синодальныхъ изданій. Подобное должно сказать и о мелодіяхъ 5-го гласа. Однако, такое перемѣщеніе мелодій по ихъ высотѣ въ юго-западныхъ ирмологахъ не

всегда возстановляетъ нормальныя интервальныя отношенія, требуемая византійскою теоріею *осмогласія*, простирается почти на всѣ гласы и часто ведетъ только къ усложненію знаковъ; именно къ употребленію *бемолей* въ ключѣ. Поэтому, болѣе дѣйствительною причиною означенныхъ транспозицій должно полагать практическія удобства пѣнія, именно желаніе избѣгать высокихъ звуковъ въ мелодіяхъ и замѣнить ихъ болѣе удобопѣваемыми для мѣстныхъ хоровъ низкими звуками. При чемъ каждый перелагатель транспонировалъ мелодіи произвольно по своему усмотрѣнію. Разность же тональностей въ мелодіяхъ одного и того же гласа въ одномъ и томъ же Ирмологѣ объясняется выборкою пѣснопѣній изъ разныхъ сборниковъ.

Транспозиціи мелодій на кварту внизъ для соблюденія надлежащихъ интервальныхъ отношеній вообще не требуютъ переменныхъ знаковъ. Прочія же транспозиціи въ юго-западныхъ ирмологахъ сопровождаются *бемолями* въ ключѣ и среди пѣснопѣній. Діэзы въ рассматриваемыхъ нами ирмологахъ вовсе неупотребительны. *Бемоль* указываетъ на ноту, замѣняющую *фа* или *утъ* и слѣдовательно, на полутонный интерваллъ въ мелодіи. Такимъ образомъ, въ мелодіяхъ, пониженныхъ *на секунду* или повышенныхъ *на терцію*, когда вмѣсто *фа* или *утъ* (среднихъ въ гаммѣ) употребляется *ми*, ставится въ ключѣ \flat на *ми*. Въ мелодіяхъ, идущихъ на среднихъ же нотахъ, но пониженныхъ на терцію, или повышенныхъ на секунду, когда вмѣсто *фа* или *утъ* заступаетъ *ре*, ставится \flat на *ре*; въ мелодіяхъ же, пониженныхъ на квинту, когда мѣсто *утъ* заступаетъ нота *си*, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, ставится \flat на *си*. Встрѣчаются иногда и случайные *бемоли* на другихъ нотахъ, напр., на верхнемъ *соль*. Означенные *переменные* знаки по одному ставятся въ ключѣ каждой строки, когда вся мелодія пѣснопѣнія, отъ ея начала до конца, измѣняетъ свою нормальную тональность. Знаки эти свойственны особенно мелодіямъ 2-го, 6-го и 8-го гласовъ.

По гласамъ нотированіе мелодій въ юго-западныхъ ирмологахъ происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Гласъ 1. Мелодіи написаны или въ той же *гиполидійской* тональности, въ какой и въ синодальныхъ изданіяхъ, напр., богородичень догматикъ воскресный и богородичень

на стиховнѣ, подобны и проч., или же на кварту ниже, напр, степенны, ирмосы, Богъ Господь (Ирм. 1700 г.) и другія пѣснопѣнія.

Гласъ 2. Мелодіи излагаются чаще всего *на кварту ниже* мелодій Синодальнаго Октоиха, т.-е. въ *гиполидійской* тональности, какъ и ирмосы Синодальнаго Ирмолога, за исключеніемъ только богородична воскреснаго на стиховнѣ «О чудесе новаго», который положенъ въ той же лидійской тональности, въ которой и въ Синодальномъ Октоихѣ. На кварту ниже положены, напр, ирмосы, кромѣ весьма немногихъ, имѣющихъ $\frac{1}{2}$ на *си* или *ре*, степенны (въ позднѣйшихъ ирмологахъ), стихиры Петру и Павлу, Сѹмеону Столпнику, Рождеству Богородицы, въ навечеріи Рождества Христова, свѣтилень и стихиры по 50 псалмѣ Рождеству Христову, стихиры Богоявленію и др., а также подобны стихирь (Ирм. 1700 г.) и богородиченъ догматикъ (ирм. 1700 и 1709 г.).

На секунду ниже *лидійской* тональности Синодальнаго Октоиха, съ $\frac{1}{2}$ на *ми*, положены въ Ирмологѣ 1652 г. подобны стихирь, стихиры Воздвиженію и «Богъ Господь» болгарскаго распѣва.

На терцію ниже *лидійской* тональности Синодальнаго Октоиха, съ $\frac{1}{2}$ на *ре*, въ томъ же Ирмологѣ 1652 г. положены: воскресный богородиченъ на стиховнѣ и ев. Іоанну Богослову.

На квинту ниже *лидійской* тональности Синодальнаго Октоиха (или, что то же, на секунду ниже *гиполидійской* тональности), а иногда смѣшанно на квинту и кварту съ $\frac{1}{2}$ на нижнемъ *си*, положены въ ирмологахъ 1652 и 1674 г.: воскресный богородиченъ догматикъ и степенны; а въ ирмологахъ 1674 и 1709 г. стихиры на хвалитѣхъ Богоявленію.

Гласъ 3. Не многочисленны пѣснопѣнія этого гласа и всѣ положены въ одной и той же *гиполидійской* тональности, какъ и въ синодальныхъ изданіяхъ. Такъ изложены во всѣхъ ирмологахъ: воскресный богородиченъ догматикъ и богородиченъ на стиховнѣ, степенны и ирмосы; и только въ Ирмологѣ 1652 г. *починъ* воскреснаго богородична догматика изложенъ на секунду ниже прочихъ ирмологовъ, съ $\frac{1}{2}$ на нижнемъ *си*, т.-е. на квинту ниже *лидійской* тональности, а *подобенъ* съ $\frac{1}{2}$ на *ми* и также на секунду ниже.

Гласъ 4. Въ юго-западныхъ ирмолагахъ немногія пѣснопѣнія излагаются въ *гиполидійской* тональности, свойственной мелодіямъ сѣнодальныхъ изданій (именно: въ Ирмол. 1652 г.: воскресный богородичень догматикъ и на стиховнѣ, подобенъ: «Званный свыше»; въ ирм. 1674 и 1709 г. стихира на проклятіе), большая же часть ихъ положена на кварту ниже. Таковы, напр., въ большинствѣ ирмологовъ: воскресный богородичень догматикъ и на стиховнѣ; степенны, ирмосы, подобны для стихиръ (которые и въ Сѣнодальномъ Октоихѣ положены на кварту ниже), стихирьы въ Пятидесятницу на литіи и Рождеству Христову на хвалитѣхъ (Ирм. 1709 г.), а въ Ирмологѣ 1652 г. сверхъ того еще ирмосы *Въханію*, оба напѣва. Въ одномъ только Ирмологѣ 1652 г. встрѣчаются транспозиціи: *на секунду ниже* сѣнодальныхъ изданій, съ $\frac{1}{2}$ на *ми*: стихира въ Пятидесятницу «Егда Духа.», славникъ Петру и Павлу, первые два подобна стихиръ, стихирьы въ недѣлю Крестопоклонную и «Веселися Іерусалимѣ», а также *болгарскаго* распѣва, съ $\frac{1}{2}$ на нижнемъ *си*: воскресный тропарь и пѣснопѣнія по 1-мъ и 2-мъ стихословіи. *На терцію ниже* съ \flat на *ре* положены: ирмосы со столпа 8-го и стихира на проклятіе.

Гласъ 5. Мелодіи этого гласа въ безлинейныхъ рукописяхъ излагаются въ *лидійской* тональности, въ области звуковъ *до ре-ми-фа-соль*, съ господствующимъ звукомъ *соль* и конечныхъ *до*; въ сѣнодальныхъ же изданіяхъ на кварту ниже, съ окончаніемъ на нижнее *соль*. Въ этой же послѣдней тональности излагается и большая часть пѣснопѣній въ юго-западныхъ ирмолагахъ, напр., степенны, ирмосы, подобны стихиръ, стихирьы Преображенію, за исключеніемъ развѣ *почина* въ воскресномъ богородичнѣ догматикѣ, который въ большинствѣ ирмологовъ изложенъ на секунду выше съ \flat на *си* или безъ *бемоля* (Ирм. 1700 г.). Въ Ирмологѣ же 1652 г. есть сверхъ того положенія мелодій 5-го гласа: *на терцію выше* сѣнодальныхъ изданій, т.-е. на секунду ниже *лидійской* тональности крюковыхъ рукописей, съ \flat на *ми*; а также *на квинту ниже* *лидійской* тональности, т.-е. на секунду ниже сѣнодальныхъ изданій, тоже съ \flat на *ми*. Къ перваго рода мелодіямъ принадлежатъ: воскресный богородичекъ догматикъ, къ мелодіямъ второго

рода: и нынѣ на хвалитѣхъ, «Приидите ублажимъ Іосифа» по началѣ пѣснопѣнія, и «Слава» въ недѣлю Ѳомины.

Гласъ 6. Мелодіи этого гласа какъ въ крюковыхъ рукописяхъ, такъ и въ синодальныхъ изданіяхъ изложены на кварту ниже *гиполидійской* тональности, въ области звуковъ: *до-ре-ми-фа-соль*, съ господствующимъ и конечнымъ звукомъ *ре*. Въ той же тональности изложены и многія пѣснопѣнія въ юго-западныхъ ирмологахъ, напр., воскресный богородиченъ догматикъ и на стиховнѣ, ирмосы 6-го гласа, ирмосы *розники* въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія, подобны стихирь, стихиры на *Възханіе* (въ недѣлю Ваіи), Преображенію и Успенію «На безсмертное усненіе». Но въ Ирмологѣ 1652 г. большая часть мелодій этого гласа изложена на секунду ниже означенной тональности, съ *б* на *ми*. Сюда относятся пѣснопѣнія: въ недѣлю Блуднаго сына: «Отеческаго дара» и «Отче благій»; въ недѣлю Мясопустную: «Егда поставятся престоли»; «Сѣде Адамъ»; «Приспѣ время»; въ недѣлю 2-ю Великаго поста: «Во темнѣ грѣховнѣй»; въ субботу Лазареву: «Чада ехиднова»; «Совлекоша съ мене ризы»; «Днешній день тайно»; стихиры Преображенію: «Сей день Господень»; стихиры Іоанну Злостоусту и на стиховнѣ; стихиры Введенію: «Даніилъ мужъ желанію»; стихиры на Рождество Христово: на литіи и на хвалитѣхъ.—Въ ирмологахъ же 1674 и 1709 г. многія пѣснопѣнія этого гласа изложены *на кварту* ниже мелодій крюковыхъ и синодальныхъ нотныхъ книгъ, т. е. на двѣ кварты ниже *гиполидійской* тональности гласа, именно: степенны; стихиры: «Кресте Христовъ»; «Совлекоша съ мене ризы»; «Плещи моя»; «Сей день Господень»; а также стихиры: Сүмеону Столпнику, Рождеству Христову—на хвалитѣхъ и въ день Богоявленія—на почерпаніе воды. Только степенны въ Ирмологѣ 1652 г. изложены на терцію ниже синодальныхъ и крюковыхъ мелодій, съ *б* на *ре*. Тропарь же воскресный *болгарскаго* распѣва въ ирмологахъ 1652 и 1809 г. изложенъ на кварту выше всѣхъ прочихъ изданій этого гласа.

Гласъ 7. Немногія пѣснопѣнія излагаются въ *гиполидійской* тональности, свойственной мелодіямъ крюковыхъ рукописей и синодальныхъ изданій этого гласа, именно только *подобны* стихирь знаменнаго и тропари болгарскаго рос-

пѣва; прочія же пѣснопѣнія слѣдуютъ обыкновенно *на кварту* ниже ихъ. Таковы: воскресный богородичень догматикъ, степенны, ирмосы. Только въ Ирмологѣ 1652 г. степенны излагаются съ *ѵ* на *ре* на терцію ниже сѣнодальныхъ изданій; ирмосы же — то въ одной тональности съ Сѣнодальнымъ Ирмологомъ, то на терцію ниже ихъ, съ *ѵ* на *ре* (напр., пѣснь 2-я) Но пѣснопѣнія этого гласа, какъ и гласа 3-го, вообще немногочисленны.

Гласъ 8. Въ юго западныхъ ирмологахъ вообще пѣснопѣнія 8-го гласа положены на кварту ниже *гиполидѣйской* тональности крюковыхъ и сѣнодальныхъ изданій этого гласа. Только *подобны* и стихиры Введенію въ ирмологахъ 1674 и 1709 г — въ той же тональности, а «Покаянія отверзи ми двери» въ Ирмологѣ 1652 г. *на терцію* ниже, съ *ѵ* на *ре*. Такъ, *на кварту* ниже положены: воскресный богородичень догматикъ и на стиховнѣ, степенны, прокимень, ирмосы, «Покаянія отверзи ми двери», прокимны великіе, «Повелѣнное тайно», стихиры Воздвиженію на стиховнѣ и въ день Богоявленія «на освященіе водѣ». Особенность изложенія мелодій 8-го гласа относительно тональности и здѣсь представляетъ собою только Ирмологъ 1652 г., въ которомъ многія пѣснопѣнія этого гласа положены *на секунду* ниже сѣнодальныхъ изданій и обыкновенно съ *ѵ* на *ми*. Таковы: стихиры ев. Іоанну Богослову: «Евангелисте Іоанне» и «Азъ, Дѣво Святая»; въ пятокъ Лазаревъ; въ день Пятидесятницы: «Языцы размѣсишаго» и Преображенію: «Поятъ Христосъ»; сверхъ того, сѣдальны *болгарскаго малаго* распѣва и пѣснопѣніе: «О тебе радуется» (въ ирм. 1652 и 1709 г.) во всѣхъ ирмологахъ, въ которыхъ они имѣются, положены съ *ѵ* на нижнемъ *си*, на секунду ниже сѣнодальныхъ изданій этого гласа.

Таковы измѣненія тональностей, встрѣчающіяся въ церковномъ осмогласіи юго-западныхъ нотныхъ ирмологовъ. Но иногда не вся мелодія пѣснопѣнія подлежитъ перемѣнѣ тональности, а только нѣкоторыя ея части; иногда же и одна только извѣстная въ ней мелодическая строка дѣлаетъ отступленіе отъ свойственныхъ пѣснопѣнію лада, или же высоты звуковъ, сколько бы разъ она ни повторялась въ пѣснопѣніи. Такія частичныя отступленія въ пѣснопѣніяхъ рѣдки и состоятъ или только въ измѣненіи интервальныхъ

отношеній между звуками строки безъ измѣненія высоты нотнаго обозначенія, или же въ перемѣщеніи всѣхъ звуковъ строки или ея части обыкновенно на секунду выше или ниже прочихъ строкъ той же мелодіи. Они встрѣчаются въ знаменномъ распѣвѣ юго-западныхъ редакцій въ гласахъ 2-мъ, 5-мъ и частію 6-мъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пѣснопѣніяхъ болгарскаго распѣва. Предъ строкою, подлежащею измѣненію лада или тональности, ставится \flat обыкновенно на нижнемъ *си*, а при возстановленіи господствующаго движенія мелодіи \flat на *до* (уть) съ присовокупленіемъ по большей части начальнаго ключевого знака, каковыя знаки соотвѣтствуютъ въ этомъ случаѣ *отказу* (бекарь), употребляющемуся въ круглой итальянской нотописи. Но иногда мелодія происходитъ въ смѣшанной тональности, напр., на *кварту* и *квинту* ниже сѣнодальныхъ изданій, безъ обозначенія отступленій перемѣнными знаками. Такъ, въ Ирмологѣ 1652 г. положенъ воскресный богородичень догматикъ 2-го гласа.

Перемѣнѣ лада, или вмѣстѣ и тональности подлежатъ:

а) Нѣкоторыя начинательныя строки въ пѣснопѣніяхъ, составляющія *починѣ* въ мелодіяхъ, или же строки заключительныя въ мелодическомъ ли то періодѣ или въ цѣломъ пѣснопѣніи. Таковы первыя строки: въ воскресномъ богородичнѣ догматикѣ 5-го гласа знаменнаго распѣва (въ Ирм. 1700 г. безъ перемѣнныхъ знаковъ, а въ ирмол. 1674 и 1709 г. съ \flat на *си*) и въ пѣснопѣніи: «Приидите ублажимъ Іосифа» пятаго же гласа болгарскаго распѣва, съ \flat на *си* по началѣ (Ирм. 1674 г.). Такова же заключительная строка въ подобнѣ 2-го гласа: «Доме Евѣраѣвъ», положенная на секунду выше, съ \flat на *ре* (ирм. 1674 и 1709 г.).

б) Иногда какая-либо отдѣльная мелодическая строка, или часть строки, повторяющаяся неоднократно въ пѣснопѣніи. Такъ, мелодія вышеупомянутаго *почина* въ богородичнѣ 5-го гласа, повторяясь въ видѣ варіанта въ томъ же богородичнѣ, а также и въ другихъ пѣснопѣніяхъ того же или даже иного гласа, принимаетъ \flat на *си*. Срав. слова богородична: «Израилевѣ», на стихонѣ слова «Спящимъ явися» и въ стихирахъ Пасхи разныя мѣста (ирм. 1674 и 1709 г.). То же свойство удерживаетъ подобная же по ме-

лодическому движенію строка 6-го гласа; см. ирмологи 1674 и 1709 г., столпъ 86 ирмосовъ и стихиру: «Прежде шести дней Пасхи» въ словахъ: «послѣдуйте ему». Подобному же измѣненію подлежатъ: ѳитная мелодія въ ирмосахъ 6-го гласа, столпъ 44 и 74 и отдѣльныя строки въ пѣснопѣніяхъ 2-го гласа: «Денесь Христосъ на Іерданъ пришедъ» (ирм. 1652 г. л. 213) и «Денесь во церковь водится» (ирм. 1674 и 1709 г.). А также отдѣльныя строки: въ сѣдальнѣ гласа 8-го «Воскресль еси» (ирм. 1700 г., стр. 368, съ *ѵ* на *ре*) болгарскаго распѣва и въ пасхальномъ свѣтильнѣ «Плотію уснувъ», гласа 3-го того же распѣва (ирм. 1700 и 1709 г.).

в) Мелодіи гласовъ 2-го и 6-го въ восьмогласномъ пѣснопѣніи на день Успенія: «Вогоначальнымъ мановеніемъ».

г) Наконецъ, въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ встрѣчаются случайныя *бемоли*, особенно на верхнемъ *соль*. См. въ ирмологѣ 1674 г., л. 11 на об. *блаженны* гласовъ 2-го, 3-го и 8-го, положенныя на секунду выше прочихъ ирмологовъ, и мелодію гласа 8-го въ стихирѣ «Вогоначальнымъ мановеніемъ». Въ Ирмологѣ же 1652 г. въ подобнѣ гласа 8-го «Возлегъ на перси Иусовѣ» и въ Ирмологѣ 1674 г. въ пѣснопѣніи «Тебѣ одѣющагося» встрѣчается *ѵ* на *фа*, очевидно для большей ясности лада мелодіи.

Частичныя отступленія отъ господствующаго лада мелодіи и тональности однако допускаются не во всѣхъ ирмологахъ, не во всѣхъ пѣснопѣніяхъ извѣстнаго гласа и при томъ въ разныхъ ирмологахъ въ разныхъ пѣснопѣніяхъ. А отсюда ясно, что они не составляютъ существенной принадлежности извѣстныхъ мелодій, а происходятъ въ видахъ разнообразія мелодіи и такимъ образомъ принадлежатъ къ украшительнымъ мелодическимъ оборотамъ. Поэтому то, конечно, въ Ирмологѣ 1700 г. и въ синодальныхъ изданіяхъ они, за весьма немногими отдѣльными случаями, и устранены изъ мелодій.

Текстъ пѣснопѣній. Поемый текстъ въ юго-западныхъ нотныхъ ирмологахъ отличенъ отъ текста московскихъ печатныхъ изданій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, такъ что нѣкоторыя изъ пѣснопѣній трудно узнать по ихъ началу. Такъ, въ нихъ читается: «*Богъ явился на земли*» вм «Хри-

стось явися на земли», «*Путь морской волнуяся птьнами сухъ явися*» в м. «Шествуеть морскую волнящуюся бурю...», *Подаждь утѣшеніе* или *Преклонися къ моленію* в м. «Призри на моленія». Срав. еще выраженія: Крѣпость дая(й) княземъ (царемъ) нашимъ Господи(ь); Попали (или: испали) водою (струею) зміевыя главы пещнаго високаго пламене юноши имущи (см. Лицевой Ирмологъ); Раздруши (разрушилъ еси); Камени знаменану (запечатану); Дѣвая денесь пребогатаго (Дѣва днесь пресущественнаго) раждаетъ; Вѣоружена фараона (Колесницегонителя фараона) погрузи» и проч.

Но текстъ пѣвчихъ юго западныхъ книгъ отличенъ также и отъ книгъ *четыихъ* юго-западнаго происхожденія, и при томъ въ разныхъ ирмологахъ не одинаковой редакціи, точно также, какъ и текстъ *четыихъ* юго-западныхъ богослужебныхъ книгъ въ разныхъ изданіяхъ и мѣстностяхъ былъ разныхъ редакцій *). Въ частности:

1) Въ болѣе древнихъ ирмологахъ, особенно *Лицевомъ* и частію Ирмологъ 1652 г., текстъ пѣснопѣній заключаетъ въ себѣ много словъ и формъ устарѣлыхъ, неясныхъ выраженій и даже очевидныхъ ошибокъ. Въ послѣдующихъ ирмологахъ, особенно же печатныхъ, слова и формы устарѣлыя замѣнены болѣе новыми, неясныя же выраженія и ошибки старыхъ ирмологовъ во многихъ мѣстахъ исправлены. Примѣры устарѣлыхъ словъ и выраженій съ ихъ послѣдующими исправленіями: *Неключимоваше зиждущеи* (небрегоша зиждущии); *къ тобѣ* (къ тебѣ); *всяко(і)я скорби насъ измі(ѣ)няющі(ще)*; *Ото(ъ) юности(и) моя мнози борутъ мя* (борются со мною) *страсти* (страстей); *вышейшу* (вышую) *всѣхъ тварей*; *оуцѣсти прежде дайже* (очисти прежде даже) (Ирм. 1700 г.); *Тебе ходатаицу* (Тя ходатаицу); *Вонегда скорбыти ми* (Внегда скорбѣти ми); *Исусъ, Исусови* (Исусъ...) Примѣры ошибокъ: *Пустыннымъ непреступно* (непрестанно); *львовымъ* (бо) *образомъ на мя подвизающимся* (подвизающесе, подвизаются) *и со враги моя* (ибо врази мои, врази мои); *всяко благодареніе со блистаніемъ* (соблίζεταιъ); *въ мя оболкохся* (оболкся, оболкійся); *Повеленное таинство* (тайно); *мерт-*

1) См. Очеркъ исторіи западно-русской Церкви, И. Чистовича, ч. 2, Спб., 1884 г., стр. 353.

выи бывша (мертви быша); *Сый днесь Господень* (Сей день Господень) и проч.

2) Текстъ поемый отличается отъ текста читаемаго и тѣмъ, что онъ примѣненъ къ выпѣваемымъ мелодіямъ. Примѣненіе это состоитъ прежде всего въ повтореніи словъ текста, въ *старомъ знаменномъ* распѣвѣ не допускавшемся. При продолжительности мелодической строки послѣднее слово или нѣсколько словъ текстовой строки въ *кіевскомъ* и *болгарскомъ* распѣвахъ повторяются иногда неоднократно и даже съ измѣненіемъ ихъ грамматической формы, напр. *сотворившему, сотворшему вся*. То же повтореніе словъ, но безъ измѣненія ихъ формъ мы видимъ и въ Синодальномъ Обиходѣ въ тѣхъ же распѣвахъ. Но въ юго-западныхъ ирмолагахъ, напр., 1700 г., иногда (хотя и рѣдко) повторяются и слоги слова, когда протяженность мелодіи раздѣляетъ ихъ на значительное разстояніе, напр., *бу... будемъ, Богоро... родице, благодарственная... ная, съ... сонемъ* (снемъ) *съ древа*¹⁾.

Въ текстѣ юго-западныхъ нотныхъ ирмологовъ нѣтъ *попѣвокъ* въ родѣ «*хабувз, абувз, ахатей, аненайки и териремъ*», въ XVII вѣкѣ и въ Московской Руси вызывавшихъ порицанія, но есть слѣды *раздѣльнорѣчія* или *хомоніи*, уже вышедшихъ изъ употребленія въ московскихъ пѣвческихъ книгахъ второй половины XVII вѣка. Слѣды эти обнаруживаются во всѣхъ юго-западныхъ ирмолагахъ, напр., въ словахъ: *денесь—днесь, вомънихомся—вмѣнихомся, во чернымъ мори—въ чернѣмъ мори, со древа сонемъ—съ древа снемъ*. Въ *Лицевомъ* Ирмологѣ встрѣчаются слова: *величаемо(тъ), на ново(тъ) путь* и др.; а Въ Ирмологѣ 1652 г.: *водахъ на раны—вдахъ на раны, плотію сомерть вокушъ—плотію смерть вкушъ, егда сониде ко смерти—егда сниде (снизшелъ еси) къ смерти*. Въ Ирмологѣ 1709 г. встрѣчается также подпись отдѣльныхъ согласныхъ буквъ подъ отдѣльными нотами, напр., *въ-тв-ми, нъ-си-ми* (см. канонъ Вѣханію). Въ синодальныхъ изданіяхъ нѣтъ слѣдовъ *хомоніи*, вслѣдствіе чего нѣкоторыя мелоди-

¹⁾ Повтореніе полуслова встрѣчается не только въ народномъ пѣніи, но и въ Кіевопечерской херувимской, въ обычномъ Москов. напѣвѣ въ прокимнахъ 4 гл. и Богъ Господь. В. Θ. Комаровъ. Црав. Обзор. Мартъ, 1890 г. прилож. стр. 61.

ческія фразы въ нихъ естественно становятся болѣе краткими, чѣмъ въ старыхъ великорусскихъ и южно-русскихъ нотныхъ книгахъ.

Наконецъ, подпись текста подъ мелодію въ юго-западныхъ ирмолагахъ, какъ и въ крюковыхъ великорусскихъ первой половины XVII вѣка, часто происходитъ безъ соблюденія надлежащихъ удареній въ словахъ, хотя *большой знаменный* распѣвъ и производный отъ него *кіевскій*, не будучи строго опредѣлены въ музыкальныхъ формахъ своихъ строкъ, легко примѣняются къ какому угодно тексту и не представляютъ затрудненій къ согласованію высокихъ и протяженныхъ нотъ съ удареніями словъ. Встрѣчаются слова: по́суху, видя́й, пото́пляема, по́емъ, во́пяше (Ирм. 1700 г., стр. 222—223) и проч. Въ синодальныхъ изданіяхъ этого недостатка не замѣчается.

Южно-русскія редакціи напѣвовъ и мелодическія украшенія. Весьма интересны особенности технического построенія мелодій *знаменнаго, кіевского и болгарскаго* распѣвовъ, а равно и послѣдовательныя ихъ измѣненія въ нотной линейныхъ юго-западныхъ ирмолагахъ и синодальныхъ изданіяхъ, но разсмотрѣніе этой стороны предмета принадлежитъ къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ технического построенія означенныхъ распѣвовъ. Относительно же самыхъ ирмологовъ съ мелодической ихъ стороны должно замѣтить слѣдующее:

1) Всѣ они излагаютъ пѣніе торжественное, собственное лаврамъ, знаменитымъ монастырямъ и соборамъ, а не приходскимъ сельскимъ храмамъ. Это видно частію изъ содержащихся въ нихъ пѣснопѣній¹⁾, частію изъ сложности нѣкоторыхъ мелодій, затруднительныхъ для исполненія простыхъ сельскихъ пѣвцовъ, частію изъ сложности нотированія мелодій, указывающаго на пѣніе искусственное, возможное только для хорошо приготовленныхъ къ нему пѣвцовъ, частію изъ того, что пѣснопѣнія написаны въ ирмолагахъ, какъ и позднѣйшія партесныя произведенія, не антифонно, а для одного клироса, и наконецъ, изъ того, что самые ирмологи печатались въ лаврахъ, или принадлежали лаврскимъ бібліотекамъ.

¹⁾ См. выше.

2) Ирмологъ 1652 г. по движенію мелодій, по тональностямъ и по ѳитнымъ украшеніямъ стоитъ ближе къ крюковымъ изложеніямъ *знаменнаго* распѣва, чѣмъ прочіе ирмологи и даже чѣмъ сѹнодальныя изданія; и развѣ только опущеніе нѣкоторыхъ мелодій на секунду ниже съ перемѣнными знаками въ ключѣ составляетъ его особенность. Напротивъ, Львовскій печатный Ирмологъ 1700 г. во всѣхъ отношеніяхъ представляется ирмологомъ исправленнымъ, частію сокращенымъ, вообще же наиболѣе другихъ удаленымъ отъ древняго изложенія мелодій. Ирмологъ 1709 г. (а равно и 1674 г.) въ мелодическихъ подробностяхъ стоитъ ближе къ нашимъ сѹнодальнымъ изданіямъ 1772 г., чѣмъ прочіе. Въ немъ нѣкоторыя мелодіи изложены въ исправленномъ и болѣе правильномъ видѣ. См., напр., *подобны* гл. 6, л. 105.

3) Въ юго-западныхъ ирмологахъ нѣкоторыя мелодическія строки имѣютъ движеніе буквально сходное съ такими же строками великорусскихъ крюковыхъ и печатныхъ нотныхъ книгъ, другія, удерживая общія съ ними мелодическія свойства, разнятся въ подробностяхъ, иныя же въ разныхъ пѣснопѣніяхъ иногда одного и того же Ирмолога излагаются нѣсколько различно, то приближаясь своею редакціею къ редакціи великорусскихъ пѣвчихъ книгъ, то отдаляясь отъ нея. Все это ясно видно особенно изъ сравненія, такъ называемыхъ *кулизмъ*. Вообще же мелодическая редакція юго-западныхъ линейныхъ ирмологовъ не отличается устойчивостію, такъ что напѣвы въ нихъ изложенные, при общемъ взаимномъ сходствѣ, въ разныхъ рукописяхъ и изданіяхъ различаются болѣе или менѣе многочисленными и важными мелодическими подробностями.

4) Къ особенностямъ мелодическаго движенія, свойственнымъ всѣмъ распѣвамъ юго-западныхъ редакцій, должно отнести звуковые переходы *на квинту*, какъ снизу вверхъ, такъ и сверху внизъ, чего нѣтъ въ знаменныхъ великорусскихъ напѣвахъ, а также частые переходы на кварту вверхъ и внизъ и обиліе соединительныхъ нотъ между мелодическими строками, особенно въ Ирмологъ 1652 г. и вообще въ распѣвѣ *болгарскомъ*.

5) Нѣкоторыя пѣснопѣнія отличаются искусственностію мелодическаго построенія и принадлежатъ къ произведеніямъ

мелодически сложнымъ, уклоняющимся отъ простоты *церковнаго осмогласія*, или же совершенно чуждымъ ему. Таковы: предначинательный псаломъ на всенощномъ бдѣніи, распѣтый не во гласъ и напоминающій своею мелодіею пѣніе древнихъ *асматиковъ*; пѣснопѣніе «О Тебѣ радуется», распѣтое разными гласами *кіевскаго* и *болгарскаго* распѣва; богородичень Успенію «Богоначальнымъ мановеніемъ», совмѣщающій въ себѣ, какъ и въ Синодальныхъ «Праздникахъ», всѣ восемь гласовъ знаменнаго распѣва; и наконецъ, пѣснопѣнія *болгарскаго* распѣва: въ Великій пятокъ— «Тебѣ одѣющагося», гл. 5-го, и въ день Пятидесятницы— «Придите вѣрніи трисоставному божеству поклонимся», безъ обозначенія гласа, представляющее собою сочетаніе гл. 5-го и 8-го. Послѣднія два пѣснопѣнія суть по истинѣ художественныя произведенія какъ по общей стройности цѣлаго, такъ по свободѣ и разнообразію мелодическаго движенія, по отдѣльности отдѣльныхъ мелодическихъ оборотовъ и по способамъ соединенія ихъ для выраженія мысли. Пѣснопѣнія эти сообразно ихъ содержанію отчетливо дѣлятся на нѣсколько частей, различающихся мелодическимъ движеніемъ, или же особенностями варіированія одной и той же мелодіи, и въ этомъ видѣ представляютъ собою какъ бы видъ нѣкоторыхъ *концертовъ* стараго времени. Характеромъ своихъ мелодій они вполне выражаютъ также и общую мысль того и другаго пѣснопѣнія. Если въ пѣснопѣніи «Тебѣ одѣющагося» мы ясно слышимъ горестный погребальный плачь матери о единственномъ невинномъ страдальцѣ ея сынѣ, то въ стихирѣ Пресвятой Троицѣ ощущаемъ творческій Духъ Божій, носящійся верху воды, зиждительное начало міровыхъ и горнихъ силъ.

Мелодическія украшенія дѣлаютъ мелодическое движеніе пріятнѣе для слуха, богаче и разнообразнѣе по формѣ, увеличиваютъ протяженность мелодій сообразно продолжительности священнодѣйствій и способствуютъ наибольшей выразительности мысли и чувства отдѣльныхъ мѣстъ пѣснопѣнія. Разсматриваемые нами юго-западные ирмологи излагаютъ мелодіи въ унисонномъ видѣ и одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе, удерживаютъ древнія мелодическія украшенія. Но въ древнѣйшихъ ирмологахъ заключается болѣе мелодическихъ украшеній, а въ позднѣйшихъ менѣе. При

томъ не всѣ украшенія *знаменнаго* распѣва великорусскихъ редакцій сохраняются въ южно-русскихъ ирмолагахъ.

! Мелодическія украшенія бываютъ *большія* и *малыя*. Къ *большимъ* украшеніямъ въ юго-западныхъ ирмолагахъ должно отнести прежде всего унаслѣдованныя отъ стараго *знаменнаго* распѣва, такъ-называемыя *ѳитныя лица*, во множествѣ въ нихъ сохранившіяся, а затѣмъ—особыя пространныя украшенія, свойственныя *киевскому* и отчасти *болгарскому* распѣву. Къ *малымъ* украшеніямъ принадлежатъ краткія украшенія, свойственныя болѣе или менѣе всѣмъ распѣвамъ южно-русскихъ ирмологовъ.

а) Замѣчательную судьбу имѣютъ *ѳитныя* мелодіи или *лица*, эти, по выраженію князя В. Ѳ. Одоевскаго, «*оргель-пункты* или *каденсы* прежняго времени», составлявшіе нѣкогда одно изъ великолѣпныхъ мелодическихъ украшеній торжественно-богослужбнаго пѣнія. Онѣ не мирятся съ гармоніею—этимъ новымъ сравнительно способомъ украшенія напѣвовъ, съ избыткомъ удовлетворяющимъ тѣмъ же самымъ потребностямъ,—но постепенно вытѣсняются имъ, сокращаются и, наконецъ, въ церковно-пѣвческой практикѣ совершенно исчезаютъ. Въ первой половинѣ XVII в. *ѳитныя* мелодіи были еще въ полномъ своемъ видѣ и находились въ частомъ употребленіи какъ въ Московской, такъ и Юго-Западной Руси. Затѣмъ, во второй половинѣ XVII в., онѣ, хотя имѣются во всѣхъ нотныхъ русскихъ книгахъ знаменнаго пѣнія, но не въ одинаковомъ количествѣ, и излагаются не съ одинаковою полнотою и точностью мелодическаго движенія. Напѣвы безъ *ѳитъ*, въ гармоническомъ ихъ переложеніи, стали болѣе нравиться современникамъ, какъ «*мусикійское красногласное составленіе, премудрѣйшее и скорѣйшее*»¹⁾. Изъ юго-западныхъ ирмологовъ по количеству и полнотѣ формъ *ѳитныхъ* мелодій Ирмологъ 1652 г. оказывается самымъ полнымъ и украшеннымъ Ирмологомъ, наиболѣе близкимъ къ старымъ пѣвчимъ крюковымъ рукописямъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ *ѳитныя* мелодіи очень часто, при томъ во всѣхъ видахъ церковныхъ пѣснопѣній знаменнаго распѣва, какъ-то: въ стихирахъ, степеннахъ и

¹⁾ „Церковное пѣніе въ Россіи“, о. прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 216.

ирмосахъ, и при томъ въ полномъ ихъ видѣ. За этимъ Ирмологомъ слѣдуетъ группа ирмологовъ 1674 и 1709 г., въ которыхъ сохранилось также много ѳитныхъ лицъ, даже болѣе, чѣмъ въ сѣнодальныхъ изданіяхъ, хотя въ Ирмологѣ 1709 г. большая часть ихъ поставлена въ скобахъ и, слѣдовательно, сдѣлана необязательною для пѣвцовъ, а представлена ихъ усмотрѣнію и произволѣнію. Самый сокращенный Ирмологъ въ отношеніи пространныхъ мелодическихъ украшеній, есть Львовскій Ирмологъ 1700 г., въ которомъ большая часть ѳитныхъ мелодій совершенно выпущена, другія же изъ нихъ значительно сокращены, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ нихъ едва остались одни слѣды. — Редакція ѳитныхъ мелодій въ юго-западныхъ ирмологахъ, какъ и вообще редакція столповыхъ напѣвовъ, иная, чѣмъ въ сѣнодальныхъ изданіяхъ и сходныхъ съ ними великорусскихъ крюковыхъ рукописяхъ, и при томъ въ разныхъ ирмологахъ относительно мелодическихъ подробностей не одинаковая.

б) Въ *киевскомъ* и частію *болгарскомъ* распѣвѣ встрѣчаются иногда довольно пространные мелодическіе обороты, но собственно *ѳитныхъ лицъ*, составляющихъ особую систему пространныхъ украшеній, не имѣется, т.-е. обороты эти короче ѳитныхъ мелодій, не повторяются однообразно въ разныхъ пѣснопѣніяхъ и гласахъ, а свойственны каждому пѣснопѣнію отдѣльно, при томъ немногочисленны, не выпѣваются на какой-либо отдѣльный слогъ, а имѣютъ подъ собою слова текста, хотя бы неоднократно повторяемые. Короче, обороты эти не суть внѣшнія украшенія напѣва, могущія быть вставлены въ оный или выпущены по усмотрѣнію пѣвца, а суть необходимыя части извѣстной мелодіи, служащія ея развитіемъ и соединенныя съ нею органически. Къ числу такихъ оборотовъ въ *киевскомъ* распѣвѣ, напр., должно отнести протяженныя окончанія прокиньмовъ (Ирм. 1709 г.), «аллилуіа» при разныхъ пѣснопѣніяхъ и нѣкоторыя финальныя строки. Примѣры пространныхъ мелодическихъ оборотовъ *болгарскаго* распѣва можно видѣть въ финальныхъ строкахъ стихирь и богородичныхъ¹⁾.

1) См. „Болгарскій распѣвъ“, изслѣдов. Ив. Ив. Вознесенскаго.

в) Изъ *малыхъ* или краткихъ украшеній стараго знаменнаго распѣва не всѣ встрѣчаются въ юго-западныхъ нотныхъ ирмолагахъ. Такъ украшеніе *колебательное одной степени* со вспомогательною нотою встрѣчается только въ ближайшихъ редакціяхъ *столповаго* распѣва и не имѣется собственно въ *Кіевскомъ* распѣвѣ. Нѣтъ вовсе въ юго-западныхъ мелодіяхъ: *раздробленія бѣлой ноты* по разнымъ слогамъ текста и украшенія *ломоваго*, а также *раздробительно-гармоническаго колебанія бѣлой ноты, задержанія и предъема*, такъ часто встрѣчающихся въ *знаменномъ* распѣвѣ по синодальнымъ его изданіямъ ¹⁾ Отсутствіе этихъ украшеній въ знаменныхъ и близкихъ къ нимъ напѣвахъ южно-русской редакціи свидѣтельствуется или о томъ, что они пришли не по вкусу юго-западныхъ славянъ, или что самыя эти украшенія еще не существовали въ XV и XVI вѣкѣ, но, бывъ изобрѣтены въ первой половинѣ XVII вѣка знаменными великорусскими мастерами церковнаго пѣнія, не были извѣстны Юго-Западной Россіи и оставались мѣстными особенностями собственно великорусскихъ редакцій знаменнаго пѣнія.

Къ общимъ украшеніямъ великорусскихъ и южно-русскихъ мелодій знаменнаго распѣва должно отнести: *синкопу*, встрѣчающійся очень часто въ юго-западныхъ ирмолагахъ, а также *мелодическое раздробленіе* протяженныхъ нотъ и *дополнительныя* украсительныя ноты: *форшлагъ, трель, группетто*. Къ особенностямъ *кіевского* распѣва должно отнести добавочныя группы нотъ въ концахъ нѣкоторыхъ финальныхъ строкъ съ обыкновеннымъ окончаніемъ на нижнее *си*, и вспомогательныя ноты вверхъ при речитативномъ движеніи мелодій. Затѣмъ видоизмѣненія отдѣльныхъ мелодическихъ оборотовъ состоятъ главнымъ образомъ въ ихъ варіированіи, т.-е. въ замѣненіи однихъ нотъ другими мелодическими или же гармоническими нотами въ предѣлахъ того же лада. Обычными украшеніями *болгарскаго* распѣва служатъ: *раздробительное колебаніе* протяженныхъ нотъ и многочисленныя *соединительныя* ноты и группы нотъ между мелодическими строками и ихъ членами.

¹⁾ Объ этихъ украшеніяхъ знаменнаго распѣва см. „О церковномъ пѣніи правосл. греко-россійской церкви, И. Вознесенскаго, изд. 2-е, Рига, 1890 г., § 8, со стр. 149.

Что касается *ритма* пѣснопѣній въ юго-западныхъ ирмологахъ, то въ знаменныхъ напѣвахъ и въ близкихъ къ нимъ *киевскихъ* удерживается еще въ полной силѣ *словесный* или *несимметрический ритмъ* съ его не только общими, но и частными свойствами. Въ нихъ мелодія примѣняется къ тексту пѣснопѣній, а не текстъ къ мелодіи. Дѣленіе мелодіи на строки и мелодическіе періоды остается буквально то же, которое мы видимъ въ крюковыхъ и сунодальныхъ изданіяхъ *столповаго* пѣнія. Самыя неправильности удареній въ словахъ, встрѣчающіяся въ юго-западныхъ ирмологахъ, не составляютъ исключительной ихъ особенности, но имѣютъ тѣсную связь съ *хомонією* XVI и XVII вѣка, имѣющею въ своемъ основаніи желаніе пѣвцовъ удерживать въ точности старыя ноты и мелодическіе обороты надъ словами по измѣненіи уже текстовой редакціи и даже формъ языка. Впрочемъ, подпись текста во многихъ мѣстахъ разнится въ юго-западныхъ ирмологахъ и особенно значительныя разности имѣетъ въ Ирмологѣ 1652 года съ позднѣйшими ирмологами. Въ мелодіяхъ же собственно *киевского* распѣва, т. е. наиболѣе удаленныхъ по редакціи отъ распѣва знаменнаго, и въ мелодіяхъ мѣстнаго произведенія, а особенно въ пѣснопѣніяхъ *болгарскаго* распѣва усматриваются уже новые элементы, ставшіе въ послѣдствіи (особенно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка) необходимыми спутниками гармоническихъ произведеній, именно *симметрический ритмъ* и *тактъ*, обнаруживающіеся въ симметріи мелодическихъ строкъ и въ правильномъ размѣрѣ нотъ. Такъ, во многихъ пѣснопѣніяхъ *киевского* распѣва мы видимъ повтореніе словъ текста, указывающее на музыкальную самобытность мелодіи отъ текста и на подчиненіе послѣдняго первой, чѣмъ пѣснопѣнія эти уже по первому на нихъ взгляду отличаются отъ пѣснопѣній древняго *столповаго* пѣнія, не имѣвшаго строго опредѣленной правильности построенія и послѣдовательности частей, и вполне примѣнявшагося къ словеснымъ оборотамъ рѣчи, предложеніямъ и періодамъ, безъ повторенія словъ текста. Въ нѣкоторыхъ же мелодіяхъ собственно южно-русскаго происхожденія уже ясны слѣды и музыкальнаго такта, именно въ $\frac{4}{4}$.

Въ *болгарскомъ* распѣвѣ *симметрический ритмъ* и *тактъ* обнаруживаются еще яснѣе. Мелодія дѣлится на пе-

ріоды, которые состоятъ изъ одинаковаго количества мелодическихъ строкъ (обыкновенно двухъ, трехъ), имѣютъ одинаковое построение и слѣдуютъ одинъ за другимъ въ правильномъ и однообразномъ порядкѣ. Въ *болгарскомъ* распѣвѣ всюду замѣтенъ музыкальный размѣръ въ $\frac{4}{4}$, при чемъ надъ каждымъ слогомъ текста полагается одна или двѣ *цѣлыя ноты* въ простомъ или же раздробительномъ видѣ, а надъ слогомъ съ удареніемъ не менѣе двухъ цѣлыхъ же. Распространеніе мелодій происходитъ чрезъ прибавку, а сокращеніе чрезъ убавку также непремѣнно цѣлыхъ нотъ; ибо въ противномъ случаѣ нарушилась бы правильная послѣдовательность означеннаго размѣра.

II. Достоинство юго-западныхъ распѣвовъ Православной Русской Церкви, какъ пѣнія богослужебнаго.

Уже продолжительное разобщеніе юго-западной Православной Русской Церкви въ XVI—XVIII вѣкахъ съ великороссійскою Церковію неминуемо должно было сопровождаться нѣкоторыми разностями въ ихъ богослужебной практикѣ. Но сверхъ того юго-западная Церковь во все это время была борима, какъ извѣстно, католическою *унією*, покровительствуемою явно или тайно мѣстными гражданскими, а иногда и духовными властями; при чемъ церковные обряды и христіанскіе обычаи, а иногда и богослужебныя книги и даже богословская мысль въ ученыхъ трудахъ того времени, не чужды были западнаго католическо-уніатскаго вліянія¹⁾. Юго-западное церковное пѣніе имѣетъ, какъ мы видѣли, также нѣкоторыя особенности отъ пѣнія, бывшаго въ Великой Россіи до половины XVII вѣка. Отсюда въ Великой Россіи въ первое же время появленія въ ней юго-западныхъ распѣвовъ, способовъ и приемовъ пѣнія (въ половинѣ XVII в.), среди ревнителей русской церковно-обрядовой старины возникли сомнѣнія относительно чистоты православія и богослужебныхъ достоинствъ юго-западнаго пѣнія, а съ другой стороны опасенія, не служить ли оно въ рукахъ

¹⁾ См. напр. „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“ И. Чистовича. Спб. 1884 г., ч. 2, стр. 349—353 и др.

приверженцевъ латинства средствомъ склонять православныхъ къ *Унии*¹⁾. Сомнѣнія эти и опасенія повели старообрядцевъ къ порицанію юго-западнаго пѣнія, къ отверженію распѣвовъ *Кіевскаго* и *болгарскаго*, принесенныхъ въ Великую Россію юго-западными пѣвцами, и къ наибольшему ихъ отчужденію отъ Православной великороссійской Церкви, усвоившей это пѣніе и совмѣстившей оное при богослуженіи съ старымъ знаменнымъ распѣвомъ, а безпорядки при исполненіи композицій Галуппи, Сарти, Карцелли, еще болѣе вооружили ихъ противъ этого пѣнія. («Средства къ улучшенію церковнаго пѣнія», В. О. Комарова. М. 1890 года, стр. 8 (Прав. Обозр., мартъ 1890 г.).

Но недоразумѣнія относительно юго-западнаго церковнаго пѣнія и донынѣ никѣмъ еще не разсѣяны, такъ что и нынѣ не бесполезно коснуться вопросовъ о томъ: 1) православно ли юго-западное церковное пѣніе; 2) сохраняет ли оно достоинства истинно богослужебнаго пѣнія; 3) находится ли въ связи съ древнимъ пѣніемъ Православной Церкви, и 4) не заключаетъ ли въ себѣ дѣйствительно элементовъ общихъ съ пѣніемъ инославно-западнымъ, особенно же католическимъ, и не подготавливаетъ ли пути къ инославію?

Православно ли богослужебное пѣніе юго-западной русской Церкви?—Вопросъ о *православіи* того или иного рода церковнаго пѣнія самъ по себѣ не имѣетъ важнаго значенія, ибо сочетаніе звуковъ въ мелодіи не заключаетъ въ себѣ догматовъ вѣры, ни нравоученія, и древнею Православною Церковію опредѣленно не установлено. Онъ, какъ архитектура, иконопись и изящная рѣчь, вращается лишь въ области человѣческихъ искусствъ и служитъ средствомъ для выраженія религіознаго чувства христіанъ и для устроенія внѣшняго благолѣпія церковнаго, тогда какъ *православіе* и *инославіе* заключаютъ въ себѣ точно опредѣленные понятія о *вѣрѣ* и ея *исповѣданіи*.

Пѣніе и музыка, какъ искусство человѣческое, какъ выраженіе идеи разума, имѣетъ и происхожденіе человѣческое, а не богооткровенное. Оно и возникло («пѣвница и

¹⁾ Этому пѣнію противилось въ началѣ XVII в. Кіевское братство, называя его *проклятымъ*; патр. Іосифъ, не одобрявшій Никонова пѣнія особенно же старообрядцы.

гусли») и употреблялось первоначально даже не въ благочестивой и Богомъ избранной части народа Божія (Быт. 4, 21) и никогда не было предметомъ боговдохновенной проповѣди. Однакожь, несмотря на это, пѣніе и инструментальное его сопровожденіе приняты для богослуженія при скинии и въ храмъ Соломоновомъ Они были воплощеніемъ идеи красоты, служеніемъ Богу высшими духовными способностями человѣка, жертвою Богу благочестиваго или сокрушеннаго сердца и располагали слушателей къ благочестію и молитвенному настроенію. Подобное сему было и въ древней христіанской Церкви. Богослуженное ея пѣніе зиждется на языческой музыкальной системѣ *ладовъ*, которая принята Церковію и примѣнена къ церковнымъ напѣвамъ точно такъ же, какъ принято и примѣнено къ богослуженнымъ пѣснопѣніямъ языческое искусство стихотворной мѣрной рѣчи¹⁾. При чемъ «пѣніе первенствующей Церкви было составлено изъ народныхъ мелодій различныхъ странъ, гдѣ было проповѣдано язычникамъ Евангеліе», и происходило въ разныхъ *родахъ*. Въ число основныхъ гласовъ церковнаго *осмогласія* приняты лады греческихъ племенъ (напр., дорійскаго), но не отвергнуты и лады малоазійскихъ симитическихъ племенъ (лидянъ и фригійцевъ). Допущены въ церковное употребленіе и всѣ дохристіанскіе *роды* пѣнія: *діатоническій*, *хроматическій* и *энгармоническій*. Ибо христіанская религія «не была подобно язычеству національною религіею, но какъ религія всѣхъ мѣстъ и націй не имѣла никакого побужденія покровительствовать музыкальному вкусу того или другого отдѣльнаго народа въ ущербъ другимъ народамъ»²⁾. Подобно сему и въ послѣдствіи (X—XV в.) «въ святой *Софіи* константинопольской... патріархи благословляли напѣвы разныхъ народовъ (персовъ, франковъ, родосянъ...) и тѣмъ выражали каѳоличество Церкви Православной»³⁾. Но если въ основаніе христіанскаго

1) Патр Фотій говоритъ: „Мы пользуемся сочиненіями языческихъ авторовъ, въ которыхъ все баснословное и вымышленное мы презираемъ, но охотно принимаемъ форму и искусство выраженія для развитія и расположенія нашихъ мыслей“. (Ad Amphilochem Quaestio 149. Mignet. 101.812 id.)

2) „О греческой церковной музыкѣ. Муз. миссія въ Греціи и на Востокахъ“. Январь — май 1875 г., соч. Бурго - Дюкудрэ. Paris. 1887 г. См. Всеобщ. истор. музыки Фетиса (Fetis), т. 4.

3) „Первое путеш. въ Синайскій монастырь архим. Порфирія въ 1845 году“, стр. 210—211.

пѣнія положенъ національный вкусъ разныхъ языческихъ народностей, то въ послѣдствіи и на развитіе его въ Церкви Христовой не малое вліяніе имѣло инославіе, при чемъ частію съ положительной, частію съ отрицательной стороны. Извѣстно, что еретики IV—VII вѣка увлекали на свою сторону народъ звучными стихами и сладкопѣніемъ. Въ противодѣйствіе имъ и пастыри Православной Церкви (напр., Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ и др.), составляли въ честь своихъ мучениковъ свои возвышенныя и умиленные пѣснопѣнія, полагали ихъ на напѣвъ, принятый еретиками, для употребленія при православномъ богослуженіи, и тѣмъ удерживали свою паству отъ обольщенія¹⁾, а съ другой стороны и сами составляли и приводили въ систему напѣвы. А такимъ образомъ искусство церковнаго пѣнія въ это время, служа средствомъ для выраженія благоговѣйныхъ мыслей и чувствъ народа, въ рукахъ пастырей Церкви являлось вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ оружіемъ для борьбы съ инославіемъ и для огражденія отъ него своей паствы.

Подобное сему двустороннее значеніе имѣетъ и пѣніе русской и въ частности юго-западной Православной Церкви. Древне-русское церковное пѣніе, хотя строится на основаніи древне-греческаго, но какъ въ напѣвахъ, такъ и въ нотации служитъ довольно самобытнымъ отъ него выраженіемъ русскаго духа и музыкальнаго вкуса. Въ своемъ складѣ и развитіи оно приняло мѣстный русскій характеръ и имѣетъ близкую аналогію съ древле-славянскимъ мірскимъ пѣніемъ, какъ въ ладахъ или *погласицахъ*, такъ частію и въ мелодическомъ движеніи²⁾. Практическая его услуга восточному православію въ Россіи также неизмѣрима, хотя еще и не выяснена достаточно путемъ историческимъ. Благолѣпное богослуженіе православныхъ русскихъ храмовъ, сопровождаемое *ангелоподобнымъ* пѣніемъ³⁾, искони представляло собою твердый оплотъ для православной Руси въ борьбѣ съ бездушнымъ древле-славянскимъ язычествомъ, и съ грубо-чувственнымъ магометанствомъ въ періодъ монгольскаго ига, и съ плѣняющимъ органною музыкою Западомъ.

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Разумовскаго, стр. 9—12.

2) См. „Различіе между ладами и гласами“ и проч. Статя кн. В. О. Одоевского, читанная на Москов. Археолог. съѣздѣ. Москва, 1871 г.

3) Степен. кн. I, стр. 224.

А такимъ образомъ и пѣніе юго-западной Православной Церкви, хотя бы носило характеръ пѣнія мѣстнаго, юго-западнаго, хотя бы приняло въ себя нѣкоторые элементы инославнаго мѣстнаго же пѣнія, не можетъ лишь по этимъ причинамъ считаться неправославнымъ и быть изъятымъ изъ употребленія на клиросахъ Русской Православной Церкви. Оно въ свое время служило живымъ выраженіемъ религіознаго чувства юго-западныхъ православныхъ христіанъ, а съ другой стороны въ ихъ рукахъ, какъ и пѣніе древней Церкви IV—VII вѣковъ, въ періодъ борьбы православія съ католицизмомъ и его уніею, было однимъ изъ важныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ охраненію православія на юго-западѣ Россіи отъ увлеченій инославнымъ органомъ и вообще болѣе художественно развитымъ западнымъ пѣніемъ¹⁾. А такимъ образомъ оно должно быть высоко цѣнимо Православною Церковію не только какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ охраны православія, но и какъ важный историческій памятникъ судьбы православія русской Церкви на ея юго-западной окраинѣ.

Сохраняетъ ли въ себѣ юго-западное церковное пѣніе достоинства истинно богослужбнаго пѣнія?—Изъ служебно-религіознаго значенія церковнаго пѣнія и изъ примѣровъ древней Церкви, однакоже, выясняется, что не всякое пѣніе можетъ быть допущено при церковномъ богослуженіи. Не могли быть приняты Церковію мотивы пресыщенія и сладострастія языческаго религіознаго культа, ни безчинные и страстные вопли театра, ни ласкающіе слухъ или терзающіе душу звуки инструментальной музыки. Они не вытекали изъ благоговѣйнаго чувства и не вызывали его въ молящихся, не соответствовали содержанію церковныхъ пѣснопѣній и священнодѣйствій, чужды были уставнаго порядка православнаго богослуженія. Отцы древней восточной Церкви и церковно-богослужебная практика принимали извнѣ и допускали только то, что было сообразно съ духомъ христіанской Церкви и ея богослуженія, иное преобразовывали, иное совсѣмъ отвергали, иное же создавали сами, такъ что со

¹⁾ Въ 1571 г. іезуиты въ Вильнѣ, завладѣвъ костеломъ св. Яна, украсили его иконами, ризницею, завели *отличный органъ и хоръ пѣвчихъ*, и начали совершать богослуженіе съ невиданнымъ дотошъ великолѣпіемъ, которое привлекало громадное число молящихся всѣхъ вѣроисповѣданій. Истор. русск. церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 357—359.

временемъ въ Православной Церкви характеръ церковнаго пѣнія опредѣлился ясно, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли: особый церковно-пѣвческій обычай и преданіе и, наконецъ, установилась особая система церковнаго пѣнія.

Требованія древней Церкви относительно церковно-богослужебнаго пѣнія довольно опредѣленны и ясны ¹⁾. И прежде всего оно должно быть *поучительно*, а потому *внятно* и *вразумительно*. Эти же свойства имѣетъ и пѣніе юго-западной Православной Церкви по ея ирмологамъ XVII и XVIII вѣковъ. Пѣніе это излагается въ нихъ въ одну строку *одноголосно* и потому позволяетъ ясно слышать слова выпѣваемаго текста. Самый текстъ въ юго-западныхъ нотныхъ книгахъ не имѣетъ прибавочныхъ, не принадлежащихъ ему словъ и слоговъ (попѣвокъ: аненайни, хабува и т. п.), находящихся въ такомъ изобиліи въ древнемъ нашемъ *кондакарномъ* и впоследствии въ *хомовомъ* пѣніи, и не затемняется ими. Мелодія, заключающіяся въ юго-западныхъ ирмологахъ, къ какому бы распѣву онѣ ни принадлежали, и въ своемъ удареніяхъ, и въ дѣленіи на мелодическія строки, и въ мелодическомъ движеніи примѣнены къ мысли и словесному составу текста, который, очевидно, имѣлъ главное значеніе при пѣніи. Мелодія въ нихъ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но лишь содѣйствуетъ ясному, раздѣльному и отчетливому выраженію мысли и текста.

Церковное пѣніе съ другой стороны должно быть *благоговѣнное*, *безстрастное* и *важное* по своему характеру, но *религіозно-выразительное*. А таково же и пѣніе, изложенное въ юго-западныхъ ирмологахъ. Оно есть пѣніе *неторопливое*, *умилительное*, *торжественно-праздничное* и всюду дышетъ чувствомъ религіознаго *благоговѣнія*. Видъ пѣнія сокращеннаго или *дневнаго*, хотя въ юго-западныхъ ирмологахъ имѣетъ полное *осмогласіе*, именно въ пѣснопѣніяхъ «Богъ Господь» и «Господи воззвахъ» (Ирм. 1709 г.), но выражено протяженными нотами и къ другимъ пѣснопѣніямъ во всемъ годичномъ кругѣ церковнаго пѣнія почти не имѣетъ приложенія. Всѣ они поются умилительно, или же торжественно-протяженными напѣвами.—Что касается религіозной

¹⁾ См. „О церков. пѣніи Прав. Греко-Россійск. Церкви“. Кіевъ. 1887 г., § 1.

выразительности напѣвовъ, то въ пѣснопѣніяхъ *знаменнаго* распѣва, имѣющихся въ юго-западныхъ ирмолагахъ, удерживаются всѣ тѣ свойства, которыя принадлежатъ имъ и по безлинейнымъ великорусскимъ и южнорусскимъ рукописямъ. Пѣснопѣнія же *кіевскаго* и *болгарскаго* распѣвовъ своими мотивами еще рельефнѣе выражаютъ весело торжественный, или же глубоко-скорбный характеръ празднуемыхъ Церковію событій. Живымъ доказательствомъ выразительности *кіевскаго* пѣнія служатъ нынѣ древнее пѣніе въ лаврахъ Кіевской и Почаевской, а также всюду извѣстные напѣвы чина погребенія и панихиды *кіевскаго* распѣва. Въ примѣръ выразительности *болгарскаго* распѣва укажемъ на триумфальную торжественность мелодій канона *Въханію* и на глубокую скорбь души, выраженную въ пѣснопѣніи на цѣлованіе плащаницы: «Тебе одѣющагося» и другихъ подражательныхъ ему пѣснопѣніяхъ. Въ техническомъ отношеніи юго-западное пѣніе нельзя назвать вполне *простымъ*. Оно сложнѣе, искусственнѣе и художественнѣе не только *простаго* *обычнаго* пѣнія, сохраняемаго устнымъ преданіемъ, но иногда и древняго *знаменнаго* пѣнія, извѣстнаго намъ изъ безлинейныхъ рукописей и нотныхъ книгъ синадальнаго изданія. Иногда оно носитъ на себѣ печать глубокаго знанія музыкально-вокальнаго искусства и высокаго поэтическаго воодушевленія составителей церковныхъ мелодій. Но при всемъ томъ оно *удобопонятно* и *удобопѣваемо* для клиросныхъ пѣвцовъ и не требуетъ отъ нихъ спеціальной технически-научной подготовки. При томъ юго-западное пѣніе въ ирмолагахъ чуждо всякой искусственной выразительности. Ни въ одномъ Ирмологѣ и ни въ одномъ пѣснопѣніи мы не встрѣчаемъ знаковъ экспрессіи, свойственныхъ пѣнію партесному. Ни въ мелодическихъ оборотахъ, ни въ отдѣльныхъ звукахъ не встрѣчается также театральности, эффекта, крикливости, сантиментальности, равно и музыкальныхъ тонкостей, свойственныхъ иностранной, хотя бы и церковной, музыкѣ.

Церковное пѣніе, наконецъ, должно быть сообразно уставному порядку православнаго богослуженія. И юго-западное пѣніе вполне соответствуетъ этому требованію. Въ юго-западныхъ ирмолагахъ мы видимъ совершенно тѣ же пѣснопѣнія и тотъ же порядокъ богослуженія, которые преданы древнею Восточно-Православною Церковію и до нынѣ

сохраняются въ ней. Пѣснопѣнія въ ихъ мелодіяхъ примѣнены къ православному богослуженію и священнодѣйствіямъ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ оныя совершаются и до нынѣ во всей Православной Русской Церкви. Къ особенностямъ юго-западныхъ ирмологовъ сверхъ того должно отнести еще то, что въ нихъ церковное пѣніе имѣетъ при богослуженіи большее приложеніе, чѣмъ въ крюковыхъ рукописяхъ и въ богослужебной древле-русской практикѣ. Такъ въ богослужебной практикѣ «по старому обряду» пѣлись и поются только концы стиховъ «Господи воззвахъ» и концы воскресныхъ тропарей; псалмы же: «Хвалите имя Господне», а иногда и «На рѣкахъ вавилонскихъ» вовсе не пѣлись ¹⁾. Въ юго-западныхъ же ирмологахъ, какъ и въ нашихъ синодальныхъ изданіяхъ, пѣснопѣнія эти положены для пѣнія. Затѣмъ юго-западное пѣніе особенно въ *подобнахъ* имѣетъ бѣльшее соотвѣтствіе съ предписаніями Церковнаго Устава и богослужебныхъ книгъ, чѣмъ пѣніе великорусское, крюковое ли то, или нотнo-линейное. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы видимъ значительно болѣе распѣтыхъ нотнo *подобновъ*, чѣмъ въ великорусскихъ пѣвчихъ книгахъ. Подобны тамъ распѣты двояко: одни изъ нихъ, именно подобны для стихиръ, заимствованы изъ *знаменнаго* распѣва, другіе же, не имѣющіеся въ знаменныхъ пѣвчихъ книгахъ, но указываемые богослужебными книгами, распѣты *болгарскимъ* распѣвомъ. Таковы особенно подобны тропарей и богородичныхъ, нѣкоторыхъ кондаковъ и икосовъ, а также пѣснопѣній сѣдальныхъ ²⁾. Вообще въ нихъ распѣты нотнo всѣ подобны, указываемые въ богослужебныхъ книгахъ. Не распѣты же изъ нихъ только подобны *свѣтильновъ*, не имѣющіе въ Октоихѣ и Минеяхъ надписанія гласа, или другихъ какихъ либо указаній относительно ихъ пѣнія.

Находится ли юго-западное церковное пѣніе въ связи съ древнимъ пѣніемъ восточной Православной Церкви?— Самая Унія, какъ извѣстно, вводимая католиками на юго-западѣ Россіи съ конца XVI вѣка, состояла не въ измѣ-

1) Ср. „Кругъ ц. др. зн. пѣнія“, изд. О. Л. Д. П. Спб. 1884—5 г.

2) Въ синодальныхъ изданіяхъ *подобны* стихиръ распѣты *знаменнымъ* и *киевскимъ* распѣвомъ, тропари воскресны — *цреческимъ* распѣвомъ, а для пѣнія сѣдальныхъ пѣснопѣній изложено по одному образцу *болгарскаго* распѣва.

неніи существующаго въ Православной Церкви содержанія и порядка богослуженія, а главнымъ образомъ въ признаніи главенства папы и въ административномъ подчиненіи христіанъ восточнаго исповѣданія римскому престолу и іерархіи. Да и православные съ своей стороны склонялись на Унію не иначе, какъ подъ условіемъ дозволенія имъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ по обрядамъ Церкви восточной. Въ 1595 г. Поцѣй и Терлецкій, представивъ папѣ грамоты о подчиненіи западно-русской Церкви римскому престолу, свободу отправленія богослуженія выговорили какъ необходимое условіе: «да по своему греческому обычаю *службу и пѣніе* въ церквахъ своихъ правятъ и свята по старому календарю» ¹⁾. Послѣдующія затѣмъ обстоятельства дѣйствительно показываютъ, что въ обрядовомъ богослуженіи уніатскихъ и православныхъ храмовъ не было никакихъ существенныхъ отличій, какъ нѣтъ ихъ нынѣ въ богослуженіи русскихъ единовѣрческихъ церквей и храмовъ поповщинской секты. Такъ мы не видимъ, чтобы кто нибудь изъ православныхъ юго-запада, хорошо знавшихъ чинъ уніатскаго богослуженія, порицалъ уніатовъ за измѣненіе и искаженіе ими церковныхъ обрядовъ и пѣнія. Храмы, церковная утварь, иконы и богослужебныя книги переходили отъ православныхъ къ уніатамъ и отъ уніатовъ къ православнымъ, не требуя при этомъ никакихъ особыхъ примѣненій къ богослуженію. Тѣмъ менѣе могло подлежать измѣненіямъ церковное пѣніе, какъ искусство, чуждое вѣроисповѣдныхъ разностей востока и запада. Изъ отсутствія споровъ объ этомъ предметѣ между уніатами и православными и молчанія исторіи мы вправѣ заключать, что богослужебное пѣніе въ уніатскихъ храмахъ и въ храмахъ православныхъ, особенно въ началѣ Уніи, было одно и то же, и развѣ уніаты не принимали только нѣкоторыхъ дополнительныхъ напѣвовъ славянскихъ и греческихъ, введенныхъ православными юго-западными братствами уже въ продолженіе періода борьбы съ Уніею, какъ не принимаютъ донынѣ нашего греческаго роспѣва или Мелетіева перевода.

¹⁾ П. С. Л. П. 362. Многія изслѣдованія согласно показываютъ, что до 1720 г. „Тексты уніатскихъ богослужебныхъ книгъ уцѣлѣлъ удивит. образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ римская церковь принципиально расходится съ ученіемъ Православной Церкви. См. напр. Церк. Вѣд. 1892 г. № 19, стр. 716. „Объ исхожденіи Св. Духа“.

Такъ было въ противномъ лагерѣ, склонномъ на сторону враждебнаго восточному православію католицизма. Но еще тщательнѣе охранялось православно восточное обрядовое богослуженіе въ православной части юго-западныхъ христіанъ. Опасность сплотила ихъ около нѣсколькихъ центровъ — православныхъ братствъ, которые, опираясь на древнее преданіе русской Церкви, а также на главные и древніе пункты и, такъ сказать, первоисточники восточнаго православія, съ неимовѣрною стойкостію выдерживали продолжительную, упорную и систематическую борьбу съ могущественнымъ тогда католицизмомъ. Для устроенія чина церковнаго и порядка монастырской жизни, для исправленія богослужебныхъ книгъ, исправленія и пополненія церковнаго пѣнія они заводили сношенія съ славянами придунайскими, съ греками и съ аѳонскими монастырями. А такимъ образомъ не только сами они вступили на вѣрный путь, но были указателями его и первоводителями и для всей Великой Россіи, которая со временъ патріарха Никола нашла этотъ путь къ единенію съ православными церквами востока и къ исправленію своей богослужебной практики самымъ прямымъ и надежнымъ. Юго-западные православныя братства, напротивъ, не только чуждались заимствованій инославно-западныхъ, но и всячески противодействовали имъ. Въ своихъ школахъ, положивъ въ основаніе обученія языка славянскій и греческій, они не хотѣли преподавать латинскаго языка ¹⁾. О чистотѣ и цѣлости православія и восточной обрядности юго-западныхъ христіанъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги. Книги эти, печатанныя въ разныхъ типографіяхъ на юго-западѣ Россіи, самыми завзятыми великорусскими старообрядцами приводятся въ большомъ количествѣ въ числѣ доказательствъ излюбленныхъ ими обрядовыхъ частныхъ богослуженія ²⁾, и слѣдовательно признаются неповрежденными. Подобное же достоинство православной древности имѣло и церковное пѣніе, и въ мелодическомъ его видѣ также никѣмъ не порицается ³⁾. Западной некускусственности церков-

1) Только лучшіе ученики кіевскихъ школъ посылались въ высшія польскія и иностранныя училища. Чистовичъ. 327. 349.

2) См. напр. „Поморскіе отвѣты іеромонаху Неофиту“.

3) Мнимыми старообрядцами порицается собственно пѣніе „многуюсугубляемое“, т. е. партесное. См. ниже.

наго пѣнія юго-западныя православныя братства противо-дѣйствовали составленіемъ и распространеніемъ, а съ 1700 г. и печатаніемъ ирмологовъ, представляющихъ собою образцы восточнаго мелодически-храмоваго пѣнія, бездушному инструментальному сопровожденію напѣвовъ—одушевленное и стройное хоровое пѣніе съ участіемъ въ немъ народа, каковое пѣніе, по Гербинію, нося «образъ и духъ первоначальной христіанской Церкви», было «гораздо святѣе и величественнѣе», чѣмъ римское ¹⁾.

Въ разъединеніи съ Московскимъ государствомъ православныя юго-западныя братства не обращались къ великорусской Церкви по предметамъ обрядоваго богослуженія, а въ частности и по предмету церковнаго пѣнія, и изъ ея богослужебной практики не дѣлали заимствованій. Ибо великороссійская Церковь не была первоисточникомъ православнаго богослуженія и имѣла обрядность, тождественную съ обрядностію юго-западной Церкви. Кромѣ того въ періодъ господства *Уни* на юго-западѣ Россіи сама она колебалась разными обрядовыми мнѣніями. Богослужебныя ея книги и обряды, а равно и церковное пѣніе также имѣли не мало недостатковъ и нуждались въ исправленіяхъ.

Разсматривая въ частности содержаніе церковнаго пѣнія по юго-западнымъ ирмологамъ, мы видимъ, что оно дѣйствительно опирается на твердыхъ началахъ восточной Православной Церкви и состоитъ, какъ и пѣніе древней христіанской Церкви, въ *совмѣщеніи* напѣвовъ разныхъ народовъ восточнаго исповѣданія. Юго-западная система совмѣщенія роспѣвовъ съ нѣкоторыми измѣненіями принята затѣмъ со второй половины XVII вѣка и великороссійскою Церковію, но отвергнута старообрядцами, сомнѣвающимися въ православіи всѣхъ народовъ, кромѣ самихъ себя. Въ основаніе церковнаго пѣнія въ юго-западныхъ ирмологахъ положено *знаменное* или *столповое* пѣніе по древнему преданію русской Церкви и дополнено частію мѣстнымъ кіевскимъ и греческимъ, а главнымъ образомъ *болгарскимъ* роспѣвомъ. Но въ ирмологахъ нѣтъ и слѣдовъ напѣвовъ, заимствованныхъ отъ инославнаго запада.

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 208—309.

Южно-русская редакція знаменнаго распѣва. Первымъ и главнымъ основаніемъ юго-западнаго пѣнія по юго-западнымъ нотнo - линейнымъ ирмологамъ служить *столповое* пѣніе или *большой знаменный* распѣвъ. Имъ распѣта въ ирмологахъ большая часть богослужебныхъ пѣснопѣній, какъ то: нѣкоторыя литургійныя пѣснопѣнія, всѣ ирмосы, стихиры воскресны, богородичны, догматики и на стиховнѣ, антифоны, *подобны* стихирь и большая часть праздничныхъ пѣснопѣній.

Юго - западные ирмологи составлялись, распѣвались и переводились на квадратную нотопись независимо отъ великорусскихъ толкованій, исправленій и преобразованій русскаго церковнаго пѣнія, послѣдовавшихъ въ XVII вѣкѣ и въ разобщеніи съ великорусскими мастерами церковнаго пѣнія. Отсюда естественно, что знаменные напѣвы, въ нихъ заключающіеся, имѣютъ свою особую редакцію. Что же это за редакція, какова она сама по себѣ и въ какихъ отношеніяхъ находится къ старымъ *хомовымъ* и Іосифовскимъ изложеніямъ *столповаго* пѣнія, къ *истиннорѣчному* изложенію А. Мезенца и, наконецъ, къ нотнo-линейнымъ великорусскимъ переводамъ XVII и XVIII вѣка?

Въ статьѣ I мы высказали предположеніе, что великорусская и юго-западная редакціи столповаго пѣнія съ XVII вѣка иногда значительно разнятся между собою, но имѣя общимъ источникомъ пѣвчія безлинейныя книги XV и XVI вѣка, должны быть близки за это время между собою и потому взаимно пояснять себя, равно какъ и безлинейную древне-русскую нотопись. Теперь, благодаря 14-ти сравнительнымъ таблицамъ, приложеннымъ къ изданію г. Смоленскаго: «Азбука знаменнаго пѣнія старца А—ра Мезенца» (Казань, 1888 г.), мы рѣшительно утверждаемъ это на основаніи фактическихъ данныхъ, выясненныхъ чрезъ подробное сопоставленіе мелодическихъ строкъ ирмологовъ юго-западной редакціи съ 83-мя строками Мезенцевой «Азбуки» и иныхъ безлинейныхъ и линейныхъ изложеній, помѣщенныхъ въ вышеупомянутыхъ таблицахъ.

И прежде всего сличеніе мелодическихъ строкъ показываетъ, что юго-западные ирмологи какъ въ мелодіи, такъ и въ текстѣ пѣснопѣній, имѣютъ одну, въ общемъ весьма сходную, редакцію, различающуюся въ разныхъ пѣвческихъ

изданіяхъ и рукописяхъ незначительными подробностями, между тѣмъ какъ великорусскія пѣвческія книги и между собою, и со старыми *хомовыми* книгами въ томъ и другомъ отношеніи представляютъ гораздо болѣе разностей. Вообще въ Великой Россіи введеніе въ церковно-пѣвческія книги около половины XVII вѣка *киноварныхъ помѣтъ* Шайдурова было подробнымъ, но довольно своеобразнымъ толкованіемъ старыхъ крюковыхъ знаменъ и мелодій. Оно предупреждало разночтенія знаменъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣняло и самые знаки и ихъ значеніе. Оно сопровождалось замѣненіемъ многихъ прежнихъ тушевыхъ знаменъ иными, сходными съ ними по значенію старыми же, и даже частію употребленіемъ новыхъ знаменъ, прежде неизвѣстныхъ ¹⁾. Это обстоятельство должно было разобщить великорусское чтеніе мелодій со второй половины XVII вѣка не только съ юго-западными чтеніями, но и со старыми великорусскими, напр., *хомовыми* съ конца XV вѣка. Исправленія комиссіи 1667 года также не ограничивались приведеніемъ только текста къ «*истиннорѣчю*», но касались и знаковъ, и мелодій, хотя и утверждались главнымъ образомъ на *киноварныхъ помѣтахъ*. Это доказываетъ «Азбука» Мезенца, и въ мелодическихъ строкахъ и въ знакахъ нерѣдко отступающая отъ прежнихъ знаменныхъ изложеній. Позднѣйшія нотныя изложенія основываются на исправленіяхъ упомянутой комиссіи, но по мѣстамъ также допускаютъ разности съ ними, равно какъ и между собою ²⁾. Вообще же знаменныя книги съ *помѣтами* и *признаками* и нотныя великорусскія переложенія можно считать принадлежащими къ одной общей *истиннорѣчной* редакціи, которая значительно отдѣлялась отъ прежней *хомовой* или *раздѣльнорѣчной* редакціи не въ текстѣ только и не въ количественномъ лишь примѣненіи мелодій къ *новому истиннорѣчю*, но и въ мелодическомъ движеніи. Юго-западная же редакція знаменнаго пѣнія вышеозначенныхъ перемѣнъ не испытала. Она не приняла *киноварныхъ помѣтъ* и чтенія Шайдурова. На юго-западѣ Россіи неизвѣстны были

¹⁾ См. г. Смоленскаго „Азбука знам. п. А. Мезенца“, сравнительныя таблицы

²⁾ Срав. напр. задостойники знам. распѣва по изложенію *Обихода* и *Ирмолога* синодальныхъ изданій.

ни труды Мезенца, ни великорусскіе опыты переложеній знаменныхъ мелодій съ крюковъ на ноты. Южноруссы имѣли уже свои нотно-линейныя устоявшіяся, а съ 1700 года издаваемые печатно, переложенія, въ которыхъ они держались усвоеннаго ими издавна чтенія знаменъ помимо вліянія великорусскихъ мастеровъ и исправителей пѣнія.

Этими обстоятельствами главнымъ образомъ объясняется большая доля разностей между измѣнчивыми, сравнительно, великорусскими и болѣе устойчивыми юго-западными редакціями знаменнаго пѣнія въ теченіе *новаго* его *истиннорѣчнаго* періода. Но были и болѣе глубокія основанія для этихъ разностей. Это: *недостаточная* въ старину *опредѣленность* безлинейнаго обозначенія столповыхъ мелодій, *свобода* ихъ исполненія и существовавшія до киноварныхъ помѣтъ и нотныхъ знаковъ *разночтенія* старой крюковой семеіографіи. Старыя крюковыя знамена служили лишь намеками на мелодію, сохраняемую пѣвческимъ обычаемъ и памятью пѣвцовъ, осязательной же наглядности и точной опредѣленности не имѣли, а потому естественно въ исполненіи получали разности въ мелодическихъ подробностяхъ, зависящія отъ вкуса и умѣнья пѣвцовъ и отъ мѣстнаго обычая въ пѣніи. Старорусскіе пѣвцы, какъ и греческіе, при употребленіи *исона* (ἰσόν), въ развитіи темы напѣва, обозначаемой крюками, пользовались полною свободою голосоведенія и были не воспроизводителями только записаннаго, а вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ и творцами выпѣваемой ими мелодіи. Пѣвческія знамена указывали имъ лишь общее движеніе напѣва, главные его пункты и его предѣлы, протяженность же тѣхъ или другихъ звуковъ и даже ихъ высота, равно какъ отдѣльные мелодическіе обороты и ихъ варьированіе, украшеніе и подголоски зависѣли отъ желанія, вкуса и вдохновенія пѣвцовъ. Но эти то обстоятельства и повели къ *разночтеніямъ* однихъ и тѣхъ же знаковъ и къ *размноженію распѣвовъ*, строяемыхъ на одномъ и томъ же основаніи. Этими же обстоятельствами должно объяснить и наибольшую долю разностей между великорусскими и юго-западными редакціями одного и того же стараго знаменнаго распѣва. Такимъ образомъ, какъ великороссійскія редакціи стараго знаменнаго пѣнія, такъ и южно-русскія, имѣя одни и тѣ же основанія, имѣютъ и

одинаковое право на свое существование и въ отношеніи правильности напѣвовъ сохраняютъ одинаковое достоинство.

Съ размноженіемъ разночтеній открылись въ церковно-пѣвческой практикѣ большія неудобства: разность и нестройность въ пѣніи, разногласія и споры пѣвцовъ ¹⁾). Потребовалось болѣе точное и подробное обозначеніе мелодіи пѣвческими знаками. Въ Великой Россіи Богъ открылъ Шайдурову разумѣніе древнихъ столповыхъ напѣвовъ и средство уяснить ихъ *киноварными помѣтками* ²⁾), а Мезенцу тушевыми *признаками*, но въ то же время не скрылъ сего разумѣнія и отъ юго-западныхъ мастеровъ церковнаго пѣнія ³⁾), какъ не скрываетъ и отъ всякаго изслѣдователя, съ чистою мыслию, безпристрастнымъ сердцемъ и истиннымъ благочестіемъ углубляющагося въ смыслъ напѣвовъ и въ «тайногласовое» знаменное письмо. Средствомъ же къ истолкованію древнихъ знаменъ для нихъ послужили линейные нотные знаки, получившіе по своему происхожденію названіе *кѣвскаго знамени*. Знаки эти имѣютъ близкую аналогію съ великорусскими кинноварными *помѣтками* и тушевыми *признаками*. Они появились одновременно съ изобрѣтеніемъ *помѣтъ* Шайдурова, т.-е. въ концѣ XVI вѣка, возникли по однимъ и тѣмъ же съ ними побужденіямъ: изложить мелодіи въ болѣе ясномъ и опредѣленномъ видѣ, — имѣли съ ними одинаковое значеніе, какъ толкованія мелодіи съ измѣненіемъ и самыхъ знаменъ, одинаково съ ними употреблялись первоначально лишь въ школахъ и въ школьныхъ пѣвческихъ книгахъ и, наконецъ, одновременно же съ ними и тушевыми *признаками*, около половины XVII вѣка, вошли въ употребленіе и въ пѣвчихъ богослужебныхъ книгахъ. Такимъ образомъ, на юго-западную линейную нотопись мы должны смотрѣть совершенно такъ же, какъ на кинноварныя *помѣты* и тушевыя *признаки*, т.-е. какъ на современное имъ и параллельное южно-русское толкованіе древне-русскихъ церковныхъ мелодій. Нотные юго-западные переводы представляютъ собою не новое пѣніе и не искаженное, а лишь особую параллельную вели-

1) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 75, 162.

2) Тамъ же, стр. 159.

3) О нѣкоторыхъ юго-западныхъ мастерахъ церк. пѣнія около 1700 г. см. „Церк. пѣніе въ Россіи“, Разумовскаго, стр. 87.

корусской вѣтвь того же древняго знаменнаго пѣнія, по крайней мѣрѣ XV и XVI вѣка, и, слѣдовательно, новый ключъ къ объясненію знаменныхъ напѣвовъ того времени.

Между тѣмъ, сравненіе юго-западныхъ пѣвческихъ книгъ съ таковыми же великорусскими и мелодическими строкъ съ строками, изложенными въ таблицахъ г. Смоленскаго, выясняетъ и нѣкоторыя частныя свойства юго-западнаго *столповаго* пѣнія сравнительно съ пѣніемъ великороссійскимъ. Именно: юго-западные ирмологи, какъ по своему содержанию и тексту, такъ и по мелодіи, ближе стоятъ къ группѣ *хомовыхъ* крюковыхъ книгъ, бывшихъ во всеобщемъ употребленіи въ Россіи съ XV вѣка до патріарха Филарета, чѣмъ къ группѣ такихъ же книгъ съ *помѣтами* и *признаками*, а равно и линейныхъ великорусскихъ изложеній, на нихъ основанныхъ. Послѣдняя группа великороссійскихъ книгъ представляетъ собою, какъ выше сказано, одну общую, довольно своеобразную и отдаленную отъ *хомовыхъ* изложеній редакцію. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы видимъ распѣтыми тѣ же ирмосы, какіе содержатся и въ хомовыхъ знаменныхъ книгахъ, и наоборотъ, въ нихъ нѣтъ тѣхъ же ирмосовъ, какихъ нѣтъ и въ хомовыхъ книгахъ, и которые вошли въ составъ ирмологовъ лишь съ установленіемъ *новаго истиннорѣчія*, т.-е. ирмологовъ Іосифовскаго, Мезенцева и Синодальнаго. Такъ, на юго-западѣ Россіи неизвѣстны цѣлыхъ 20 номеровъ ирмосовъ, приведенныхъ въ качествѣ примѣровъ въ числѣ 83-хъ строкъ въ «Азбукѣ» Мезенца, каковыхъ ирмосовъ нѣтъ и въ *хомовыхъ* и въ болѣе древнихъ крюковыхъ ирмологахъ¹⁾. Текстъ пѣснопѣній юго-западныхъ ирмологовъ значительно разнится въ подробностяхъ редакціи съ новымъ *истиннорѣчнымъ* текстомъ книгъ великорусскихъ, но и въ оборотахъ рѣчи, и въ архаизмахъ и частію въ *хомоніи* весьма близокъ къ тексту ирмологовъ времени патріарха Филарета и ранѣе. Упомянемъ объ употребленіи двукратнаго «аллилуіа», а также словъ: *синя же пучина* вм. «чермный же понть», *оцѣсти* вм. «очисти», *Ісусъ*, *Исусови*, *денесь*, *дѣти* вм. «отроцы» и проч.²⁾

1) Въ нихъ нѣтъ именно ирмосовъ, находящихся у Мезенца подъ № 6, 8, 11, 12, 16, 17, 24, 27, 28, 40, 53, 54, 55, 57, 65, 66, 73, 76, 77 и 78.

2) Въ статьѣ I см. и другіе старые слова и обороты рѣчи.

Изложеніе знаменныхъ мелодій въ юго-западныхъ ирмо-
 логахъ также весьма сходно съ изложеніями древнѣйшими
 временъ не только А. Мезенца, но и патр. Іосифа. Въ дока-
 зательство этого можно было бы привести множество мело-
 дическихъ строкъ и оборотовъ, но ограничимся немногими
 указаніями по таблицамъ г. Смоленскаго, приложеннымъ къ
 «Азбукѣ» Мезенца. Въ юго-западныхъ ирмологахъ сравни-
 тельно съ *хомовыми* нѣтъ ни сокращеній, ни распростра-
 неній; основныя ноты, общее мелодическое движеніе, раз-
 мѣръ, ударенія, дѣленіе на строки, соблюдаются въ точно-
 сти тѣ же самыя. Большая часть частныхъ мелодическихъ
 оборотовъ также буквально сходна. Стоитъ изъ любопыт-
 ства сравнить мѣста, приведенныя въ «Азбукѣ» Мезенца
 подъ №№ 1, 3, 14, 15, 18, 20, 32, 33, 39, 41 и 56 съ
 изложеніемъ ихъ въ юго-западныхъ ирмологахъ. Въ послѣд-
 нихъ мелодія по большей части сходна съ *хомовыми* из-
 ложеніями и только частію съ Іосифовскимъ, но никакъ не
 съ новыми *истиннорѣчными*; и только дробныя переливы
 голоса въ промежуткахъ между звуками, опредѣляющими
 мелодію, переливы, какъ и звуки вѣтра или плещущей
 волны, не поддающіеся точной помѣтѣ какими бы то ни
 было знаками, ноты вспомогательныя и проходящія¹⁾, ма-
 лыя украшенія и подголоски, разнятся, доказывая тѣмъ
 лишь то, что переводъ столповыхъ напѣвовъ съ старыхъ
 крюковыхъ знаменъ на линейныя ноты на юго-западѣ Рос-
 сіи происходилъ самостоятельно, безъ сношеній съ велико-
 русскими мастерами и исправителями церковнаго пѣнія и
 внѣ всякаго ихъ вліянія.

Различіе, какое существуетъ между нотно - линейными
 юго - западными ирмологами съ *хомовыми* великорусскими
 пѣвчими книгами, незначительно и располагаетъ къ благо-
 пріятнымъ сужденіямъ о юго-западномъ изложеніи *столпо-*
ваго пѣнія. Въ юго-западномъ церковномъ пѣніи, повиди-
 мому, не было рѣзкаго перехода отъ *древняго истиннорѣ-*
чія къ *хомоніи* и отъ этой послѣдней къ *новому истин-*
норѣчю. *Хомонія* возникла тамъ незамѣтно и не достигла
 своего крайняго развитія, какъ это было въ Великой Рос-
 сіи. И наоборотъ, въ пѣніи южноруссовъ не было такого

¹⁾ См. „Азбуку Мезенца“, изслѣдованіе г. Смоленскаго, стр. 53, 129
 и 131.

быстраго и рѣзкаго перехода отъ *хомоніи* къ *новому истиннорѣчю*, какой былъ въ Великой Россіи. Упрековъ юго-западнымъ пѣвцамъ за употребленіе *аненайковъ*, *хабувъ* и *ахатей* мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ XVII вѣка. Извѣстныя намъ юго-западные нотны-линейныя рукописи чужды этихъ древнихъ украшеній, ставшихъ впослѣдствіи недостатками. Весьма естественно, что соприкосновеніе юго-западнаго русскаго пѣнія съ западно-европейскимъ и юго-славянскимъ въ періодъ разъединенія Юго-Западной Руси отъ Руси Московской оградило юго-западное пѣніе отъ вышеозначенныхъ недостатковъ; разъединеніе же Великой Россіи отъ прочей Европы, непріязненность ея къ Западу и опасенія, а съ другой стороны церемоніальность патріаршаго служенія были причинами, способствовавшими умноженію и систематизированію этихъ недостатковъ. И наоборотъ, въ Великой Россіи, въ безлинейныхъ рукописяхъ и нотны-линейныхъ переводахъ знаменнаго пѣнія второй половины XVII и XVIII в. мы уже всюду видимъ *новое истиннорѣчье*, между тѣмъ, какъ во всѣхъ разсматриваемыхъ нами юго-западныхъ ирмолагахъ нѣкоторые слѣды *раздѣльнорѣчья* или *хомоніи* сохраняются не только во второй половинѣ XVII вѣка, но и въ XVIII вѣкѣ.

Что касается собственно *нотнаго* изложенія древнихъ мелодій, то и оно въ юго-западныхъ ирмолагахъ сравнительно съ великороссійскими переводами имѣетъ также нѣкоторыя преимущества. Обыкновенная квадратная нотопись, на которую перелагали у насъ съ крюковъ *столповыя* напѣвы, слишкомъ проста, элементарна и недостаточна знаками, чтобы замѣнить многосложное и многознаменательное безлинейное *столповое знамя*, обозначающее не только высоту и длительность звуковъ, но и мелодическій составъ напѣвовъ и ихъ ритмическія свойства, каковы: среднія остановки въ мелодіи, направленіе и сила удареній и т. п.¹⁾ Но великорусскіе перелагатели напѣвовъ, кромѣ того, не скоро и не легко усвоили непривычное имъ *кіевское знамя* и располагали имъ несвободно. Къ сему иногда присоединялись: произвольный, безъ достаточной критики, выборъ напѣвовъ и произвольныя сокращенія мелодій, а также и ошибки, недоумѣнія или даже небрежности. Юго-западные

¹⁾ Тамъ же, стр. 96^b, 25 и др.

нотно-линейные ирмологи писались и печатались тщательнее великорусских и заключаютъ въ себѣ меньше произвола и ошибокъ. Въ нихъ не встрѣчается знаменныхъ напѣвовъ, обозначаемыхъ словомъ *произволъ*; мелодіи *столповаго* пѣнія (за исключеніемъ Ирмолога 1700 г.), излагаются во всей ихъ полнотѣ и безъ сокращеній даже въ украшенныхъ *витныхъ лицахъ*; гаммы знаменнаго пѣнія и пониженнаго на кварту *кіевского* не смѣшиваются, какъ это мы видимъ въ великорусскихъ изданіяхъ, но различаются систематически. Въ юго-западныхъ ирмологахъ мы находимъ болѣе нотныхъ знаковъ, чѣмъ въ великорусскихъ книгахъ квадратной нотописи; встрѣчаемъ разные размѣры нотъ, болѣе точно соотвѣтствующіе размѣрамъ и строенію безлинейной системы. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ рукописныхъ юго-западныхъ ирмологахъ (напр. въ Ирмологѣ 1652 г.), встрѣчаются надъ словами текста, въ видѣ дыханій и разновидныхъ удареній, особые значки, показывающіе, очевидно, *силу* и *направленіе* удареній въ мелодіи. Значки эти имѣются не на каждомъ словѣ текста, отличаются своимъ начертаніемъ отъ дыханій и удареній въ словахъ и очень часто не совпадаютъ съ ними, а наконецъ, нерѣдко на одномъ и томъ же словѣ поставляются по нѣсколько кряду (напр. *воспѣвашеся*, *Господѣви*, *врага* и т. п.), что и служитъ признакомъ ихъ особаго пѣвческаго значенія. Значки эти, какъ и *киноварныя помѣты*, очевидно, не нашлось возможности ввести въ печатныя нотныя изданія. Наконецъ, до послѣдняго времени въ великороссійскихъ нотныхъ книгахъ не было знаковъ, обозначающихъ *среднія совершенныя* и *несовершенныя* окончанія въ мелодіи, какъ будто напѣвы *столповаго* пѣнія не дѣлятся на мелодическія строки, а равно и скобъ, сокращающихъ, по желанію пѣвцовъ, *витныя лица*; между тѣмъ какъ въ Ирмологѣ 1652 года *среднія окончанія* ясно обозначаются знакомъ *двойнаго такта* (=), подобнымъ по начертанію безлинейному знаку *статья простая* (=), служившему для той же цѣли; въ печатномъ Львовскомъ Ирмологѣ 1709 года протяженныя мелодіи *витъ* поставлены въ скобахъ¹⁾. На-

¹⁾ Въ послѣднихъ, исправленныхъ синодальныхъ изданіяхъ знаменнаго распѣва, Москва, 1888 г., мы видимъ уже и дѣленіе напѣвовъ на мелодическія строки и отдѣленіе *витныхъ* мелодій скобами.

чальные ключевые знаки въ юго-западныхъ ирмолагахъ также имѣютъ особыя начертанія, которыя ясно различаются отъ черной ноты (чвартки), служащей ключемъ въ великороссійскихъ изданіяхъ, что также предупреждаетъ сбивчивость въ пѣніи. О другихъ особенностяхъ юго-западныхъ ирмологовъ будетъ сказано ниже.

Вообще, юго-западные нотно-линейные ирмологи тщательнѣе, полнѣе, систематичнѣе и практичнѣе передаютъ содержаніе безлинейныхъ пѣвческихъ книгъ *столповаго* пѣнія, чѣмъ нотно-линейныя же книги великорусскія.

Дополнительныя напѣвы греко-славянскаго происхожденія. Вторымъ основаніемъ пѣнія юго-западной Православной Церкви было пѣніе *греческое* и *болгарское*. Обращеніе южно-руссомъ къ этому источнику церковнаго пѣнія весьма естественно и разумно. Церковное пѣніе тѣсно соединено съ богослужбными пѣснопѣніями и чиномъ богослуженія, опредѣляемымъ церковнымъ уставомъ и богослужбными книгами. Богослужбныя же книги и уставъ, а съ ними и церковное пѣніе, получены Россіею изъ Греціи и Болгаріи. Поэтому, какъ при исправленіи богослужбныхъ книгъ и обрядовъ, такъ и при исправленіи церковнаго пѣнія, всего естественнѣе и надежнѣе было обращаться къ ихъ первоисточникамъ, т.-е. къ тѣмъ древнимъ и благоустроеннымъ церквамъ, отъ которыхъ они получены были вначалѣ. Обращеніе южно-руссомъ къ этимъ источникамъ, однакоже, не отстраняло древне-русскаго пѣвческаго преданія и обычая и не преобразовывало существующаго на юго-западѣ Россіи церковнаго пѣнія, а только дополняло его; ибо древне-русское церковное пѣніе было основано на древне-греческомъ и имѣло всѣ свойства истинно богослужбнаго пѣнія, но своимъ объемомъ не вполне соотвѣтствовало предписаніямъ церковнаго Устава и богослужбныхъ книгъ и нуждалось не столько въ преобразованіи, сколько въ дополненіяхъ. Южно-руссомы въ *столповомъ* пѣніи высоко цѣнили древнее преданіе русской Церкви и сохранили его неприкосновеннымъ, но дополнили недостающее въ немъ роспѣвами *греческимъ* и особенно *болгарскимъ*.

Ближайшими поводами, а равно и путями къ заимствованію юго-западною Церковію греко-славянскихъ роспѣвовъ служили ея близкія и частныя сношенія съ константино-

польскою и славянскими Церквами. Нѣкоторые монастыри и даже епархіи Юго-западной Россіи были, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи Константинопольскаго патріарха. Константинопольскіе патріархи учреждали на юго-западѣ Россіи православныя братства и давали нѣкоторымъ монастырямъ права ставропигій¹⁾, своими распоряженіями и увѣщаніями содѣйствовали благоустройству іерархіи и храмовъ, укрѣпляли православныхъ въ борьбѣ за вѣру и утѣшали въ скорбяхъ и напастяхъ; сами посѣщали юго-западную Церковь и личнымъ своимъ присутствіемъ благоустроили оную; снабжали монастыри и храмы святынею²⁾. А потому южно-руссамъ не мало представлялось поводовъ къ заимствованію греческаго пѣнія и случаевъ усвоить оное. О непосредственномъ заимствованіи юго-западную Церковь пѣнія отъ грековъ, впрочемъ, нѣтъ положительныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ. За неудобствами прямыхъ тогда сношеній съ константинопольскими церквами, въ самой Греціи находящимися подъ властію турокъ, южно-руссы изучали греческое пѣніе въ прилегающихъ къ нимъ земляхъ славянъ придунайскихъ. Такъ, въ половинѣ XVI вѣка братства Львовское и Перемышльское посылали своихъ дьяковъ въ Молдавію для изученія напѣвовъ *греческаго и сербскаго*³⁾. Можетъ быть, это обстоятельство, сопровождаемое не обильнымъ заимствованіемъ *греческаго* распѣва и мѣстнымъ его употребленіемъ, и служитъ причиною того, что въ юго-западныхъ ирмолагахъ мы не встрѣчаемъ пѣснопѣній съ надписями *греческаго* (или *грецкаго*) *напѣлу*. Распѣвъ этотъ, чрезъ заимствованіе не изъ первыхъ рукъ и передѣлки примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ въ пѣніи, могъ утратить часть своихъ свойствъ и смѣшаться съ мѣстными славянскими напѣвами.

Гораздо болѣе мы встрѣчаемъ свидѣтельствъ о заимствованіи юго-западную Церковь напѣвовъ отъ славянъ при-

1) Такъ Львовское братство учреждено патр. Іоакимомъ въ 1586 г. и возведено, какъ и Виленское, въ ставропигію патр. Іереміею. Были нѣкоторое время и другіе ставропигіальныя братства: Луцкое—Крестовоздвиженское, Кіевское—Богоявленское, Слуцкое—Преображенское, лишенные своихъ преимуществъ въ 1626 г. См. Чистовича, ч. 2, стр. 321. О преимуществахъ ихъ настоятелей—архимандритовъ, тамъ же, стр. 186.

2) Греческій митрополитъ Неофитъ въ 1559 году принесъ въ Почаевскую Успенскую церковь чудотворную икону Богоматери. Тамъ же, стр. 276.

3) См. „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 176.

дунайскихъ. Еще въ XV вѣкѣ Кіевскимъ митрополитомъ былъ приглашенъ въ Россію знатокъ церковнаго пѣнія игуменъ сербской Дечанской обители Григорій Симвлахъ. Въ XVI вѣкѣ для изученія славянскихъ распѣвовъ посылались братствами въ славянскія земли, какъ выше сказано, дьячки. О сношеніяхъ русской Церкви съ сербскою во второй половинѣ XVII вѣка свидѣтельствуется пребываніе въ Москвѣ вмѣстѣ съ восточными святителями и митрополита Сербскаго. Но для юго-западной Церкви былъ и другой путь къ заимствованію юго-славянскихъ распѣвовъ, это аѳонскіе монастыри. Въ нихъ, по свидѣтельству Барскаго, были употребительны и *сербское* и *болгарское* пѣніе ¹⁾ Юго-западная же Церковь въ началѣ XVII вѣка имѣла живыя и дѣятельныя сношенія съ Аѳономъ, имѣвшія цѣлю устройство монастырей, чина церковнаго и монастырской жизни по образцамъ аѳонскимъ ²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвояла, конечно, и славянскіе напѣвы аѳонскихъ монастырей. Фактъ заимствованія юго-западною Церковію юго-славянскихъ распѣвовъ подтверждается и юго-западными ирмологами, въ которыхъ имѣются эти распѣвы и легко отличаются отъ другихъ какъ своимъ построеніемъ, такъ и названіями. Въ нихъ мы находимъ *сербскій киноникъ* (причастный стихъ) и полное *осмогласіе болгарскаго* распѣва.

Но и эти распѣвы въ клиросной практикѣ русской Церкви имѣли значеніе лишь *дополнительныхъ* распѣвовъ и потому ограниченное и при томъ временное употребленіе. Въ юго-западныхъ ирмологахъ *сербскій* распѣвъ встрѣчается весьма рѣдко и въ клиростной практикѣ скоро выходитъ изъ употребленія. Напѣвы же *болгарскаго* распѣва, хотя извѣстны были въ Россіи въ разнообразныхъ видахъ и въ приложеніи ко многимъ пѣснопѣніямъ, но въ юго западныхъ ирмологахъ имѣютъ сравнительно съ *столповымъ* пѣніемъ весьма ограниченное употребленіе; именно, они прилагаются главнымъ образомъ къ пѣнію тропарей и сѣдальныхъ пѣснопѣній, поемыхъ «на Богъ Господь». Пѣснопѣнія эти, особенно тропари и кондаки, распѣвались нѣкогда *гречес-*

1) Тамъ же, стр. 174—176.

2) По образцу аѳонскихъ монастырей былъ устроенъ между прочимъ Онуфріевскій монастырь и другіе. См. „Очеркъ исторіи западнорусской Церкви“, И. Чистовича. Ч. 2. Спб. 1884 г., стр. 300.

кимъ распѣвомъ, заключающимся въ древнихъ кондакаряхъ, но затѣмъ утратили свои полные напѣвы и въ *столповомъ* пѣніи имѣли лишь распѣтыми концы, или же и вовсе не пѣлись. Между тѣмъ по указанію богослужебныхъ книгъ они должны быть пѣты сполна. Это и было важною причиною дополнить южно-русское богослужебное пѣніе распѣвомъ *болгарскимъ*. Кромѣ того *болгарскій* распѣвъ въ Россіи имѣлъ и употребленіе временное. Распространившись сначала быстро по всей Россіи, онъ скоро вытѣсненъ повсюду распѣвомъ *греческимъ*, введеннымъ патріархомъ Никономъ при посредствѣ діакона Мелетія, каковой распѣвъ и примѣненъ нынѣ къ пѣнію тропарей и другихъ пѣснопѣній, распѣвавшихся въ XVII вѣкѣ распѣвомъ *болгарскимъ*. Изъ напѣвовъ *болгарскаго* распѣва нынѣ и въ Великой и въ Малой Россіи извѣстны лишь весьма немногіе.

Сохраняетъ ли *болгарскій* распѣвъ свойства истиннаго богослужебнаго пѣнія и связь съ пѣніемъ древней восточной Церкви? Свойства *болгарскаго* распѣва большею частію объяснены нами выше. Остается нѣсколько долѣе остановиться на музыкальномъ его размѣрѣ, т. е. на его *ритмѣ* и *тактѣ*, каковыя свойства, повидимому, не свидѣлствуютъ о его древнемъ, восточномъ происхожденіи, такъ какъ они составляютъ, такъ сказать, необходимый элементъ позднѣйшаго церковнаго пѣнія и всѣхъ мірскихъ и церковныхъ музыкальныхъ произведеній Запада.

Тактъ состоитъ въ распредѣленіи нотъ различной продолжительности въ ровные малые отдѣлы съ извѣстнымъ, однообразнымъ послѣдованіемъ удареній, *ритмъ*—въ правильномъ же распредѣленіи и взаимномъ соотвѣтствіи большихъ отдѣловъ, каковы: музыкальныя строки (или предложенія) и ихъ члены. Музыкальный размѣръ *ритма* и *такта* вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же размѣру стихотворной рѣчи, именно *тактъ*—мѣрному расположенію *стопъ* стиха, а *ритмъ*—симметрическому послѣдованію самыхъ стиховъ. Современныя намъ стихотворныя произведенія заключаютъ въ себѣ оба эти элемента, но элементы эти не чужды и стихосложенію древнихъ народовъ, которое основывается на нихъ же. Въ еврейскомъ стихосложеніи мы видимъ *библейскій параллелизмъ* членовъ рѣчи, что и составляетъ его *ритмъ*; въ древней до-христіанской Греціи находимъ

съ одной стороны правильный и при томъ разнообразный размѣръ *стопъ* (напр., гекзаметръ, ямбъ и др.), а съ другой—симметрію стиховъ или ритмъ, хотя и не видимъ еще вполне правильной разработки послѣдняго. Стихотворныя произведенія у древнихъ пѣлись при сопровожденіи какого либо музыкальнаго инструмента (псалтири и гуслей у евреевъ, цитры у грековъ) и необходимо имѣли мелодію точно также размѣренную, т. е. заключали въ себѣ *ритмъ* и *тактъ*. Многія христіанскія пѣснопѣнія византійскаго происхожденія также писаны стихометрически и слѣдовательно заключали въ себѣ тѣ же музыкальные элементы, и только прозаическія произведенія и переводы на иные языки не сохраняли строгой соразмѣрности мелодическаго движенія, хотя также не совершенно чужды оной. Ибо весьма часто и нынѣ мы видимъ въ *столповомъ* пѣніи, при его *несимметричномъ* или *словесномъ ритмѣ*, слѣды симметріи въ расположеніи мелодическихъ строкъ и даже музыкальныхъ въ нихъ оборотовъ, напр., парныя сочетанія *предыдущаго* и *послѣдующаго*, буквальное повтореніе мелодіи параллельныхъ мѣстъ, симметрію даже *членовъ* въ музыкальныхъ *предложеніяхъ* и т. п. Въ знаменныхъ напѣвахъ нѣтъ только *такта*, соотвѣтствующаго *стопамъ* мѣрной рѣчи; нѣтъ однообразнаго построенія мелодическихъ періодовъ и строго правильной ихъ послѣдовательности, такъ какъ и самый текстъ пѣснопѣній, обращенный въ прозу, утратилъ свойства мѣрной рѣчи. Но въ позднѣйшихъ распѣвахъ, особенно же въ композиціяхъ по западнымъ образцамъ, свойства симметричнаго *ритма* и *такта* выражаются весьма ясно и отчетливо.

Трудно объяснить присутствіе въ *болгарскомъ* распѣвѣ правильнаго симметричнаго *ритма* и *такта*. *Болгарскій* распѣвъ могъ заимствовать эти свойства изъ восточной древности, т. е. изъ симметрическаго стихосложенія текста и сопровождающихъ его напѣвовъ, могъ быть видоизмѣненъ и подъ вліяніемъ западной музыкальной науки, но во всякомъ случаѣ *ритмическія* его свойства не только не противны духу православія, но и вполне согласны съ церковною древностію, ибо возстановляютъ въ мелодіи древлегреческую симметрію церковнаго пѣсносложенія, утраченную въ нашей переводной прозѣ.

Мѣстный элементъ и западныя заимствованія въ юго-западномъ церковномъ пѣніи. Вообще юго-западное церковное пѣніе твердо опирается на началахъ и преданіи Православной Восточной Церкви, т. е. древне-русской, греческой и Церкви славянъ придунайскихъ, каковыя начала и преданіе и противопоставляетъ началамъ и преданію церквей инославныхъ западныхъ. Но оно, какъ и всякое другое пѣніе, не чуждо элементовъ мѣстнаго вкуса и творчества, а по связи мѣстныхъ условій жизни съ западными, допускаетъ и нѣкоторыя заимствованія отъ Запада Европы. Мѣстный вкусъ и мѣстное творчество, какъ показываетъ исторія церковнаго пѣнія, присущи пѣнію каждаго народа: церковное пѣніе въ разныхъ православныхъ мѣстахъ всегда бывало болѣе или менѣе различно ¹⁾. Чуждые мотивы не могутъ выразить нашего душевнаго настроенія, мыслей и чувствъ, ибо у всякаго народа и племени свой характеръ и пѣсня своя. Съ другой стороны жертва человѣка отъ своихъ трудовъ, конечно, пріятнѣе Богу, чѣмъ заимствованная отъ нѣ. Неимѣніе народомъ своихъ богослужебныхъ мотивовъ служило бы признакомъ или его религіозной холодности, или же весьма низкой степени его культуры. Поэтому-то церковное пѣніе, если кѣмъ либо и когда либо и заимствовано отъ нѣ, то всегда, удерживая заимствованныя основанія, перерабатывалось и принимало *національный* и даже *мѣстный* оттѣнокъ въ своемъ характерѣ и подробностяхъ. Древнее эллинское пѣніе во многомъ измѣнилось въ христіанской Византіи; пѣніе римской церкви основано на однихъ и тѣхъ же началахъ съ Церковію восточною, но приняло иной характеръ и направленіе; византійское пѣніе и его знамена видоизмѣнились въ земляхъ славянъ придунайскихъ и въ Россіи; мѣстные элементы русскаго церковнаго пѣнія обнаружались многочисленными и разнообразными мѣстными распѣвами. То же было и на юго-западѣ Россіи. На ряду съ древнимъ *столповымъ* распѣвомъ и крюковыми знаменами возникли тамъ *роспѣвъ кіевскій* и *кіевское знамя*. Но *кіевскій* распѣвъ, какъ сказано выше (статья 1-я) основывается на томъ же древнемъ *столповомъ* пѣніи, имѣетъ съ нимъ въ своихъ свойствахъ

¹⁾ Отв. преп. Никифора на вопросы старообрядцевъ. Москва. 1821 г., л. 230—234.

большое сходство и затѣмъ заключаетъ въ себѣ весьма не-много свойствъ самобытныхъ. А по всему этому распѣвъ этотъ не долженъ быть предметомъ пререканій и тѣмъ болѣе поводомъ къ порицанію юго-западной Православной Церкви за измѣненіе будто бы древняго пѣнія и введеніе новаго. Это тотъ же древній знаменный распѣвъ, только съ мѣстнымъ характеромъ, тотъ же распѣвъ, но иной, юго-западной редакціи.

Иное явленіе представляютъ собою въ юго-западномъ церковномъ пѣніи тѣ или иныя заимствованія чисто западнаго характера. Чтобы имѣть о нихъ понятіе и оцѣнить каждое по достоинству, должно различать въ юго-западной Церкви пѣніе *мелодическое*, одобряемое духовною властію для употребленія церковнымъ клиромъ, и пѣніе *партесное*, усвоенное братскими хорами пѣвцовъ. Въ пѣвческихъ братскихъ хорахъ XVII вѣка, устрояемыхъ по образцамъ западныхъ хоровъ, утвердилось многоголосное пѣніе *по партесамъ*, которое располагалось на 4, 6 и даже 8 голосовъ и допускало къ исполненію композиціи, составленныя по образцамъ западнымъ. Это видно частію изъ нотныхъ памятникъ и положительныхъ свидѣтельствъ того времени ¹⁾, частію же изъ того пѣвческаго матеріала, который принесли съ собою въ Великую Россію юго-западные пѣвцы во второй половинѣ XVII вѣка. Это-то «многоусугубляемое пѣніе», а равно и соединенные тогда съ нимъ хоровые приемы исполненія и порицаются великорусскими старообрядцами ²⁾. Пѣніе это дѣйствительно не всегда основывается на древнемъ церковно-пѣвческомъ преданіи, не имѣетъ нѣкоторыхъ свойствъ истинно церковно-богослужбнаго пѣнія и заключаетъ

1) Гербинія, Мелетія Смотрицкаго и др. Сн. „Церк. пѣя. въ Россіи“, прот. Разумовскаго, стр. 207—209.

2) Лазарь, облич. 16: Россіяне со временъ патр. Никона „поютъ многіе стихи ни по гречески, ни по славянски, *согласіемъ органиымъ*“; облич. 18: въ Херувимской пѣсни употребляютъ слово „*примъвающе*, аки ко органомъ“. „Щить вѣры“, облич. 26: „пѣніе *партесное новокіевское*“ поютъ и проч.; облич. 70: „при обѣдахъ (семинаристовъ) уставляютъ *музыкамъ быти*“: въ облич. 71 говорится объ употребленіи музыки во время преній въ Москвѣ въ присутствіи духовныхъ лицъ. Въ „Поморскихъ Отвѣтахъ“ (отв. 50, ст. 22) и въ „Утвержденіи церкви“ (сказ. 21) говорится: „Отъ Никона патріарха нововнеся въ Россію пѣніе *новокіевское* и *партесное многоусугубленное*, еже со воздвиженіемъ всея плоти, съ поживаніемъ главы и съ помаваніемъ рукъ совершается“, каковое пѣніе противно 75 правилу 6-го Вселенскаго собора. Опроверженіе сего обличенія см. въ „Истиннодревней Церкви“, м. Григорія, ч. 2, п. 30.

въ себѣ элементы, чуждые церковности восточной Церкви и національно-славянскаго пѣнія ¹⁾). Но партесныя произведенія никогда не входили въ составъ богослужебныхъ пѣвчихъ книгъ юго-западной Церкви и не были общепринятыми на ея клиросахъ, а составляли достояніе смѣшанныхъ пѣвческихъ хоровъ, находившихся въ исключительномъ положеніи и употребляемыхъ обыкновенно при братскихъ школахъ. Партесныя произведенія никогда не издавались отъ лица церкви, не одобрялись прямо духовною властію для клироснаго употребленія, а только допускались ею въ клиросной практикѣ въ виду современныхъ обстоятельствъ и потребностей, при томъ имѣли временное значеніе, такъ что со временемъ измѣнили свой первоначальный характеръ и нынѣ большею частію уже совершенно для насъ утрачены ²⁾). Для клироснаго же употребленія въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ духовною властію составлялись и распространялись (писались, а съ 1700 г. печатались) *одноголосныя* пѣвчія книги, напр., *ирмологи*. Пѣніе, въ нихъ заключающееся, совершенно иное, чѣмъ въ хоровыхъ партиціяхъ того времени, такъ что ни упреки старообрядцевъ, ни характеристика *партесовъ*, занесенныхъ въ Россію въ XVII вѣкѣ, изложенная г. Смоленскимъ, къ нимъ не приложимы, и могутъ быть отнесены развѣ къ духовнымъ *кантатамъ* для домашняго и школьнаго употребленія и нѣкоторымъ только исключительнымъ хоровымъ композиціямъ для клироса.

Правда, и въ нотно-линейныхъ ирмолагахъ есть нѣкоторые нововводные элементы западнаго происхожденія. Сюда относятся: нотно-линейная семеіографія, особый видъ пониженной на кварту діатонической гаммы, разнообразныя транспозиціи мелодій съ употребленіемъ *бемольярной* системы знаковъ, нѣкоторые новые приемы *модулированія* мелодій изъ одного лада въ другой, отсутствіе нѣкоторыхъ, употребительныхъ въ Великой Россіи, *малыхъ* украшеній знаменнаго роспѣва и употребленіе мѣстно любимыхъ интервалловъ (напр. квинты), вариантовъ и *попъвокъ*. Но эти нововведенія касаются лишь внѣшней стороны пѣнія, именно глав-

1) Ср. О кievскомъ пѣніи по партесамъ „Общій очеркъ историч. и музык. значенія пѣвчихъ рукописей Соловецкой библіотеки“. Ст. Смоленскаго. „Правосл. Собесѣд.“ за 1887 г.

2) „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. Разумовскаго, стр. 208.

нымъ образомъ способовъ *нотописанія* и частію мелодическаго *выраженія*, а не измѣняютъ коренныхъ свойствъ древняго церковнаго пѣнія и не пролагаютъ пути къ мотивамъ и мелодіямъ католическаго Запада. Они допущены въ юго-западной, а впослѣдствіи и въ великорусской Церкви, въ видахъ усовершенствованія и практическихъ удобствъ пѣнія, а равно и удовлетворенія потребностямъ современниковъ. Ибо, держась древней традиціи, нельзя же вступить въ открытую борьбу противъ музыкальныхъ началъ, выработанныхъ и прочно поставленныхъ современною наукою, нельзя совершенно отвергать и мѣстные вкусы и привычныя участникамъ въ богослуженіи и народу пѣвческіе обороты и приемы. То и другое необходимо проявляется въ пѣвческой практикѣ само собою безъ всякаго искусственнаго или насильственнаго уставленія. Рѣшительное и упорное отверженіе этихъ началъ, наконецъ, могло отозваться вредными послѣдствіями для православія въ краѣ.

Что касается совмѣщенія въ клиросной пѣвческой практикѣ распѣвовъ разной конструкціи (столповаго, кіевскаго, болгарскаго) и наибольшаго приложенія осмогласнаго пѣнія къ богослуженію, то первое имѣетъ, какъ сказано выше, вполне достаточныя основанія, второе же утверждается на предписаніяхъ церковнаго устава и богослужебныхъ книгъ. Церковь благолѣпно огласилась новыми напѣвами и пѣснопѣніями, но не измѣнила богослужебнаго чина. По крайней мѣрѣ изъ ирмологовъ не видно, чтобы вновь распѣваемые пѣснопѣнія: полчелей, тропари, сѣдальны, надгробное, антифоны страстей Господнихъ, пѣснопѣнія «на проклятіе» ересей или «на умирненіе церкви» сопровождались какими-либо «незвыклыми церемоніями». Большая часть этихъ пѣснопѣній и напѣвовъ усвоена впослѣдствіи и великорусскою Церковію, но безъ всякихъ новыхъ обрядовъ и измѣненій въ порядкѣ и чинѣ богослуженія.

Да и самое партесное пѣніе юго-западныхъ братскихъ хоровъ, хотя основывалось на началахъ западно-европейской музыки, однако же не было слѣпымъ подражаніемъ пѣнію инославно-западному. Оно было скорѣе *мѣстнымъ произведеніемъ*, чѣмъ заимствованіемъ, скорѣе имѣло значеніе *гармоническаго украшенія* пѣнія восточной Церкви, чѣмъ его преобразованія по началамъ западнымъ. Этимъ

только и можно объяснить участие въ немъ народа вмѣстѣ съ хорами, засвидѣтельствованное Гербиніемъ, а равно и похвалу ему отъ іерарховъ Православной Церкви. Даже болѣе того, оно иногда нарочито поддерживалось и поощрялось духовною властію, чтобы противопоставить *бездушнымъ висканіямъ органнымъ* западной Церкви *пѣніе одушевленное*, и такимъ образомъ было немаловажнымъ средствомъ къ охраненію юго-западной паствы отъ увлеченія хорошо знакомою ей церемоніальностію обрядовъ и привычными слуху красотами пѣнія и музыки западной Церкви. Въ этомъ же смыслѣ и съ подобною же цѣлью, какъ извѣстно, юго-западное партесное пѣніе допущено и патриархомъ Никономъ въ Великомъ Новгородѣ ¹⁾, а затѣмъ рекомендовано имъ и введено и въ самой Москвѣ.

Такимъ образомъ, юго-западное церковное пѣніе, по крайней мѣрѣ заключающееся въ нотно-линейныхъ ирмологияхъ XVII и XVIII вѣка, и по своему составу, и по происхожденію, и по своимъ свойствамъ, вполне достойно употребленія на клиросахъ Православной Церкви, равно какъ и вниманія знатоковъ и читателей древнихъ роспѣвовъ, и только развѣ текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній требуетъ исправленія, согласно съ великорусскими Синодальными изданіями.

1) Біографія патр. Никона, Шушерина.